

*Валентине Постоваловой,
пос. Кудиново, Малоярославецкий район.
17 января*

Валюшка, привет!

Ну вот видишь, опять пишу, как в старые времена. Очень хочу, чтобы моё письмо было для тебя хоть маленькой радостью, поскольку радостей становится с возрастом всё меньше и меньше. Наверное, потому, что происходящие события в юности кажутся — ого-го!, а в старости всё — эхе-хе!

Лично я эмоционально как-то притупилась и даже приятное событие воспринимаю спокойно, без восторгов. Стараюсь так же воспринимать и отрицательные, но это иногда требует усилий в собственном убеждении, то есть разговариваю сама с собой, как психолог, взвешивая все линии сложившихся обстоятельств.

Мне думается, этот очень простой приёмчик должен помогать каждому.

О жизни, душевных переживаниях не хочется людям рассказывать не потому, что им это неинтересно, а потому, что они ничем не могут помочь, а зачем зря кого-то загружать? Хотя я всегда помню духовный совет: исповедуйтесь друг другу и так исцелеее. Так было со мной в очень тяжкие дни в молодости. Мне кажется, ты ко мне приезжала прежде именно с этой целью, и в этом все мы были как бы помощниками друг другу. Может быть, это помогало потому, что слушатель не оставался равнодушным к исповеди. Мне кажется, что сейчас мы все слушаем друг друга «по касательной», то есть, как бы слушаем, а думаем что-то своё, и поэтому нет обмена энергией сердца.

А ещё я думаю, что даже когда тебя не слушает тот, кому ты открываешь свою душу, всё равно твою речь, твою боль, твои сомнения, твои желания слышат невидимые силы, которые соучаствуют с нашей жизнью. Только мы часто этого не видим или видеть не хотим. Но силы небесные обязательно откликаются на всё то, что мы сказали, произнесли вслух. Со мной так часто бывает: что произнесу — на это приходит отклик в какой-либо форме, иногда и отрицательной — всё зависит от того, что я сказала, как я сказала и кто меня услышал.

Дома у нас, как в общезжитии — всё время люди, и свои, и чу-

жие. Честно говоря, я очень утомилась от такого образа жизни (как и Коля), но изменить ничего уже невозможно, только если вдруг я встану на ноги, но это будет, скорее всего, не в этой жизни. Хотя внутри меня всю жизнь живет чувство, что ещё здесь со мной случится какое-то доброе чудо.

Сожалею, что ты теперь не транспортабельна, а то пригласила бы на нашу с Колей выставку в Москву

Не успела я переболеть пневмонией, как с Нового года и по сей день страдаю болезнью: вдруг накатывает дикая боль в левой области грудной клетки и руки, повышается давление до 200 на 120 (а постоянное 120 на 70), и держится всё это безобразия 15 минут, а потом боль исчезает, давление нормализуется, и вроде как ничего не было. Врачи говорят, что пришла пора гипертонии и стенокардии и надо, мол, теперь постоянно принимать лекарства, а я их так не люблю! Ну, в общем, возраст!

Вот, Валюшка, пока и всё. Думаю, что от нас зависит если не болезнь, то наше состояние духа. И когда у тебя нет желания соучаствовать с жизнью по причине хандры, ты ляг на кровать и лежи, словно покойник, не шевелясь, не вкушая пищи, не спускаясь в туалет, не говоря ни слова, ни с кем не общаясь по телефону... Полежи так 2–3–5 часов, а потом ох как появится желание! Ты мне напиши, если будешь проводить такой эксперимент, какое же желание у тебя появилось первым.

Передавай привет Лиде, Анне, Саше и всем, кто меня знает.

Люда.

*Ольге Голобурде, г. Выборг.
18 февраля*

Оля, здравствуй!

Я очень рада видеть, как Господь соучаствует с твоей жизнью. Загнанного в угол человека Господь всегда выводит из тупика, надо только хоть пальцем пошевелить самому, чтобы Он увидел твою волю, ибо волю человека Он, Господь, не подавляет.

И среди богатых тоже есть люди, которым хочется чувствовать себя добрыми, был бы серьезный повод, вроде твоего, чтобы помочь человеку.

В общем, никогда не забывай Божью заповедь «Возлюби ближнего, как самого себя». Не сказано: возлюби ближнего больше самого себя, а как самого себя. То есть себя надо любить не меньше, чем другого, и к себе относиться со вниманием, без ложной скромности на свой счет.

Эту мудрость я давно усвоила, и потому в моём доме нет голодных, неодетых, неухоженных, небогатых. Да и сама я тоже не го-

лодная и не раздетая, хотя для одежды мне теперь так мало надо: простыня, которой накрываюсь снизу до талии, да платочек какой-нибудь красивый, чтоб закрыться от шеи до талии – так мне удобнее жить.

У меня всё по-прежнему: сердце моё, видно, здорово поизносилось и не хочет нормально работать – ежедневно приступы стенокардии.

На реставрацию храма администрация выделила 250 тысяч рублей, из которых удалось реализовать только 130 тысяч, а остальные – под пресом всяких разных законов, которые не позволяют выдавать их частным лицам. У меня же на храме трудятся только наёмные рабочие. Вот и получается, то ли есть деньги, то ли нет их.

Продолжаем работать с детдомами, хотя и тут нам подножка, да ещё какая: мои сотрудники, возвращаясь из Москвы с гуманитаркой, попали в аварию, из которой чудом вышли живыми.

В общем, много препятствий, когда делаешь что-то доброе.

В Москве, в картинной галерее «Феникс», прошла наша с Колей выставка. Как всегда, хорошие отзывы и радость от того, что людям близко наше искусство.

Псылаю тебе буклет Колиных работ бандеролью. Мои ты уже видела, а его издали первый раз.

Надеюсь, что у тебя всё будет хорошо.

Людмила.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская обл.
25 февраля*

Здравствуй, дорогая Зоя!

Считаю себя в долгу перед тобой (и другими), что никак не могла отправить мои книги, Валентины Невинной и Валерия Прокошина, которые ты давно просила.

Но у меня есть оправдание. Едва вылезла из пневмонии, как с Нового года обострилась моя ишемия, и приступы стенокардии мучают меня вот

уже почти два месяца, и конца края не видать. Я ведь пережила два инфаркта, правда, небольшие, а с возрастом все эти болезни переживаются (если вообще переживаются) очень долго и мучительно.

Обо всех страданиях не напишешь, да и ни к чему.

Это не значит, что я лежу и в потолок гляжу. Работа с детдомами продолжается, как продолжается и реставрация храма, где находится наш склад.

Одному из наших детдомов, который мы начинали, исполнилось 10 лет. Так странно видеть тех ребят, которым было по 2-4 годика, совсем взрослыми девушками и парнями! Любуешься на них, как на родных детей.

Зоенька, лапушка, я теперь не имею сил сама писать, и даже подпись моя – это печатка, а письма мои пишут и печатают сиделки, так что пусть твои друзья не обижаются, что книги не подписаны.

Валентина Невинная живёт в Москве и ко мне приезжает редко, так как сама болеет. Прокошин хоть и живёт в соседнем городе, но когда бывает, я вряд ли вспомню, что надо подписать книги. Он тоже тяжело болен (рак лёгких) и тает на глазах. Все мы уже уходящие люди и всё реже встречаемся по причине нашей немощи.

Письмо моё грустное на сей раз, но что поделаешь – такая пора.

Ещё одна беда: мои сотрудники, ездившие в Москву за гуманитаркой для детей, попали в аварию. У водителя повреждён позвоночник, а мою сотрудницу зажало так, что её МЧС «выковыривало» – у неё раздроблено бедро и сломан палец на руке. Думаю, она ещё долго не выйдет на работу, так ослабла после операции.

А ещё умер мой любимый кот Мальвин, который прожил с нами 16 лет. Когда животные уходят, словно детишек теряешь. И чтобы как-то компенсировать потерю, завели ещё двоих. Ещё при жизни Мальвина взяли котенка Мики (ему сейчас три года), а этим двоим полгода и три месяца – Макс и Масыне, которую мне подарила подруга на день рождения. Они такие забавные, хоть какая-то радость в доме.

Не обижайся, что моё письмо коротко и ни о чём — просто нет сил. Всем привет от нас. Обнимаем.

Людмила, Николай.

P.S. На днях видели по ЦТ творческий вечер Берковского, видимо, в записи. Порадовались, что его песни поют и его самого помнят.

*Музе Воскресенской,
г. Санкт-Петербург.
19 марта*

Дорогая моя Муза!

Последнее время всё чаще думаю о тебе. Думаю всякое, но особенно меня зацепили твои слова, что всё тебе становится неинтересно, ни на что нет сил и т.п.

А совсем недавно мне пришлось «рыть» старые письма, которых не так уж много осталось, да и то фрагменты из отосланных когда-то кому-то, в основном философские раздумья. Есть и современные письма сегодняшним людям и тоже довольно интересные. И подумалось мне: если бы у кого-то (хотя бы и у меня) хватило сил их перечитать и прокомментировать, как случилось с твоей книгой «Здравствуй, вот и я!», то, наверно, вышла бы нужная и полезная книжка.

Нет ли у тебя желания вдохновиться на подобную работу? Только не воспринимай это как навязывание, это — только предложение. Всё-таки самой комментировать собственные письма — нонсенс.

Книжку свою мне никогда не написать — нет ни сил, ни здоровья, и вообще она, книга, рассеялась по письмам к людям, и если издать хотя бы уцелевшие письма, и то получится многотомник.

Дома у нас всё по-прежнему. Очень устали от болезней, и не только я, но и все мои хожалки с ног падают. С Нового года мучает ишемия, приступы стенокардии с повышением давления и дикой болью за грудиной, которые продолжаются до сих пор в немного облегченной форме, так как принимаю лекарства. А тут ещё грипп с температурой 39,5 несколько дней, с жутким кашлем. Делают антибиотики в вену — больше не во что, мышц нет, только закончили капельницы. Причём не только мне, но и Коле — у него тоже грипп. Переболели все, кто живёт в моей семье, и я с ужасом думаю: что следующее свалится на нас, какая холера?

Тем не менее, есть свои маленькие радости, как, например, день-рожденный подарок в виде котёнка женского пола по имени Масыня. До неё у нас были только коты, два красавца — белый Мики ангорской породы и рыжий красавец Макс, озорник и хулиган, классический перс. А тут такое нежное создание — персияночка экстрим: сама вся беленькая, а уши, хвост, нос и носочки рыженькие. Такая ласкуха! Вот только глазки у неё большие — после окота не совсем открылись. Показали ветеринару, говорит, можно надрезать веко, когда подрастёт (смотри фото).

Ну вот, дорогая моя подружка, пока всё.

Всегда рада твоим письмам, так что радуй меня почаще.

Обнимаю.

Твоя Люсьена.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
19 марта*

Здравствуй, дорогая Оксана!

После долгого отсутствия объявилось моё присутствие, правда, ненадолго: ещё нет сил думать о чём-либо, кроме своей плоти. Вот потрясающая вещь! Чего мы только ни умеем, чем мы только ни восхищаемся, куда только ни залетает наша мысль, а вот заболело собственное сердце, и боль отняла весь мир, все раздумья, все желания... Словно с рельсов соскочила!

Врачи прилагают усилия «оживить» моё сердце, в какой-то степени им это удалось. Но чтобы мне не было слишком хорошо, на меня напал грипп и ударил почти сорокаградусной температурой, даже

сердце испугалось и перестало болеть на время. Ну, а дальше как по заказу — с перекрывающим всё кашлем. И до сих пор...

Где там весна, где там цветы, какие там намеки на любовь — это не мои вопросы.

Одна только радость — мои четвероногие, невыносимо любимые и забавные.

К сожалению, все жители нашего дома соответствуют названию нашей организации «Дом адаптации детей-сирот и инвалидов»: Мики страдает мочекаменной болезнью, у Масяни глазки не в порядке — впереди операция. Самый здоровый «кабанчик» был у нас Максик, да и тот умудрился как-то подвернуть лапку и теперь хромает. Врач сказала: растяжение связки, всё зарастёт, как на кошке.

Счастливая ты, Оксана, что можешь перечитывать классиков! А я как поразилась в молодости большой литературой, так больше и не имела возможности повторить. Практика жизни заела. Теперь ни книжку в руках подержать, ни очки нужные приобрести! Вот такая смешная моя жизнь.

Посылаю обещанный альбом Николая, а когда будет мой — Бог его знает!

Привет от всех.

Л.Г.

*Татьяне и Юлии Нимзер,
Германия
20 марта*

Дорогие Таня и Юля!

Ваши посылка и письмо благополучно дошли до нас, и я прошу прощения, что не сразу поблагодарила вас за внимание и сочувствие к детям. Все ваши подарки переданы сразу же. Работа с детскими домами продолжается, во время Рождества детям были устроены поездки в Москву на кремлёвские ёлки, дети получили много гостей и радостных впечатлений.

А недавно мы отметили 10-летний юбилей одного из опекаемых детдомов, который мы начинали с нуля. Девочки были такие малышки по два-четыре годика, а теперь это такие красавицы девушки, да и другие ребята тоже вымахали будь здоров. Слава Богу, удалось выправить их судьбы, но болит душа, в какое одиночество они уйдут после детского дома по окончании школы.

Конечно, всех их пристроят учиться какой-то профессии, но не только учёбой жив человек.

Сейчас у нас проводятся программы по передаче детей в семьи, но взрослыми детьми мало кто интересуется, — их боятся, боятся их сложившихся характеров, нравов, интересов.

Тот детский дом, о котором вы читали в «ЗОЖе», уже расформирован (там были больные малыши), под нашей опекой остались три приюта, причём один из них в монастыре, где дети получают не только разностороннее образование, но и духовное воспитание.

Чтобы вы немножко больше узнали обо мне и нашей семье, посылаю два буклета — мой и моего мужа Николая, а также маленькую книжечку биографического характера «Сотворение жизни» и буклет про наших детей, правда, устаревший, так как Дома ребёнка уже нет, а асеньевские дети уже выросли. Надо бы сделать новый, но на это нужны большие деньги, а они всегда уходят на более важные проблемы, как, например, путёвки для ослабленных детей на Чёрное море или необходимые вещи.

Ну вот, пока и всё. Ещё раз спасибо за внимание. Будет желание — пишите.

Людмила Киселева.

*Тамаре Муруновой,
г. Похвистнево, Самарская обл.
24 марта*

Дорогая моя Тамара!

Всё, о чём ты пишешь, хорошо понимаю и разделяю. Слова в данном случае малоутешительны.

То, как ты живёшь, — это, конечно, почти невыносимо. Мне хотелось бы тебе помочь хотя бы советом, который помог и другим колясочникам. Ты пишешь, что для оплаты ухода за тобой требуется 5 тысяч рублей в месяц. Это не такие уж бешеные деньги, которые невозможно найти у состоятельных людей, и они могли бы оплачивать сиделок. Надо только сочинить разумное и в то же время сердечное письмо о себе, размножить его и разослать по вашим коммерческим организациям. Уверена, что из 15 директоров найдётся хоть один, который откликнется.

Не могу не согласиться с тобой, что люди стали жёстче, равнодушнее, но не могу этого сказать обо всех. Когда обращаюсь за денежной ли, за материальной ли помощью, люди откликаются. У нас здесь цены на сиделок совсем другие — в три раза выше, чем у вас, а мне

приходится содержать уже не одну, а двух сиделок, потому что совсем я стала плоха, и один человек не может дежурить каждую ночь рядом со мной — нужна смена.

Жизнь действительно превращается в выживание, и с этим ничего не поделаешь, но у каждого есть СВОЯ возможность адаптироваться и в такой ситуации.

Попробуй что-то сдвинуть в своей жизни с этой унылой точки отчаяния, в которой ты сейчас находишься, а я попробую тебе помочь финансово. Может быть, ещё что-то наладится и придёт другое настроение. Конечно, болезни уже никуда не уйдут, но когда есть с кем их переносить, жизнь всё-таки не кажется беспощадной, а Бог немилосердным. Я тоже, устав от мучений и болезней, иногда ропщу на Бога и прошу его о милости и снисхождении, хотя понимаю, что наши болезни и есть милость Божья, потому что ничем другим, кроме страдания, мы не можем «выжечь» здесь свои грехи, чтобы очищенными прийти на небо, ведь в другом месте наши страдания будут гораздо тяжелее — будет мучиться не тело, а душа, а это страшнее. Но как трудно прийти в такое состояние, когда можешь благодарить Бога за всё, что Он посылает, в том числе и за наши болезни. Мне это пока не удаётся.

Мои руки совсем отказываются что-либо делать. Писать сама уже не могу, чтоб расписываться на документах, сделала себе «печатку», ем ещё сама, но с трудом. Лежу девятый год. Очень устала лежать — всё время на спине, на боках не могу, на животе — тем более. Когда болеешь и вся мокрая от температуры — совсем невыносимо. Шея лежит на маленьких подушечках и так уже болит от них, что порой и плакать хочется. По ночам дежурная сиделка каждый час поворачивает мне голову, иначе боли не выдержать.

Меня тоже в последние годы мало что радует из наших событий. В прошлом году были всякие праздники, по поводу которых устраивались презентации: то мой 65-летний юбилей, то презентация переизданной книги «Здравствуй, вот и я!», то фильма Татьяны Маловой «Про людей...» (фильм шёл на ЦТ по каналу «Культура») про нас с Колей, а ещё выставка Колиных работ... Это всё в Боровске. Были события и в Москве. Весной прошлого года в Храме Христа Спасителя нам вручали международную премию «Профессия — жизнь» в номинации «За волю к жизни». Разумеется, Коля ездил туда один, да и то еле вытолкали, — не любит он всякие тусовки и вообще быть на виду, но нам сказали, что вручать через посредников нельзя. Никаких денег, конечно, не дали, а дали мантию гранатового цвета с головным убором в виде четырехугольника с кисточкой, две статуэтки и два ордена с надписью «ВЕРНОСТЬ, ЧЕСТЬ, МУЖЕСТВО». Зрители там устроили Коле овацию после показа фильма Маловой.

В январе этого года прошла в Москве наша совместная с Колей выставка на Кутузовском проспекте в галерее «Феникс», правда, была все-

го неделю. Благодаря этой выставке, появился буклет о Колиных работах.

Ну вот, пока и всё, что я могу рассказать. Очень надеюсь, что поиск спонсоров будет удачным и ты найдёшь себе помощницу, но помоложе себя, так как 55-летним таскать нас на себе очень тяжело.

Ты давай пиши мне в любом случае и при любом настроении. И если можно, пришли мне свою книгу. Всё-таки надо радоваться тому, что есть, потому что бывает ещё хуже.

Пока.

Людмила.

*Ольге Голобурде,
г. Выборг, Ленинградская обл.
25 марта*

Оля, привет!

Каждым письмом ты доставляешь мне радость своей теперешней жизнью, которую поддерживают надёжные руки твоих сиделок. Когда мы в физической зависимости, когда всё время стоит проблема выживания, нам очень трудно быть деятельными людьми и заниматься каким-то трудом. Я сама не ожидала, что Господь так быстро придёт тебе на помощь. Теперь у меня ещё одна надежда на Бога, чтоб послал помощь Тамаре из Самары. Тоже активный человек, пишет стихи, вышла биографическая книга, хочет написать вторую, а настроение ниже плинтуса. Родители умерли, потом ей повезло выйти замуж за парня-инвалида, который мог за нею ухаживать, очень любил её, но заболел и умер. И вот теперь тоска поселилась в её сердце, здоровье всё хуже, сестра с племянницей редко приходят к ней, в общем, ей тоже нужен свой человек по уходу. Да вот она, как ты, не умеет за себя похлопотать.

Мне это было свойственно в юности, но в таком возрасте и при таких тяжёлых обстоятельствах не похлопотать о себе просто глупо, ведь и здоровый человек как-то удобно устраивает свою жизнь, а уж беспомощному – тем более судьба просить помощи у людей. Надо учитывать ещё тот факт, что когда «провоцируешь» кого-то на доброе дело, тому человеку тоже будет небесная награда.

Что касается твоего вопроса о Колиной графике, то всё сделано разными материалами: и углём, и мелками, и пастелью...

Погода у нас такая, как и у вас: снега, почти не было, сейчас – грязь и слякоть. Видимо, от погоды всё время полусонное стояние. Даже наши коты всё спят. Обычно по утрам такой бандитизм стоит, кто кого гоняет, непонятно. Шлю тебе их фотоморды. Мы их очень любим, они все такие разные не только по происхождению, но и по характеру. Масыня – ласковая кошечка, любит, когда её гладят. Мики

— независимый кот, если и возьмешь на руки, то сидит на плече как белокрылая птица. Мася и Мики — оба белые, а вот Макс — он у нас рыжий, точнее, палевого цвета, очень пушистый и ведёт себя, как тигр, всё время на кого-то нападает, но по-своему очень любит Масяню: прыгает на неё откуда-нибудь сверху, накрывает всем своим телом, а он хоть и молодой, но крупный, как кабан, а её из-под него и не видно. В общем, они нас очень забавляют и утешают в нашей нелёгкой жизни.

Пока всё. Дай Бог тебе ещё и квартиру отремонтировать, и душ сделать, одним словом, дай спонсору творить благие дела — ему же лучше.

Люда.

*Любови Горбачёвой,
пос. Румянцево, Московская обл.
26 марта*

Дорогая Люба!

Почти в беспамятстве разговаривала по телефону — грипп съел все силы, которых и так уже нет, и до сих пор не могу из него выкарабкаться, всё кашляю. А поскольку сама откашляться не могу, только с помощью сиделок, то и они не спят со мной всю ночь до утра. Сейчас немножко отпустило, и вот пишу.

По той же причине не могла выслать Татьяне Власовой книгу стихов Валентины Невинной, что делаю теперь. А Вам посылаю буклет Николая, всё это в подарок.

О стихах Тани Власовой. Стихи действительно хорошие, и если над ними ещё поработать, то они достойны быть в ряду многочисленных сегодняшних сборников. Беда лишь в том, что стихи нынче мало кому нужны, но об этом, мне кажется, я уже много рассуждала и горевала. Наша духовная жизнь сильно отстала от жизни физической, мы всё реже испытываем возвышенные чувства от музыки, поэзии, живописи, всё больше забот о земном, о насущном, о телесном: дом, крыльцо, огород, забор и т.п. Но ведь и прежде мы жили не на улице, почему тогда забор не был главным в жизни?

Что касается вопроса об инвалидах — это ещё одна горькая тема судеб человеческих. У меня напрашивалось название книги: «Что я буду делать, когда умрёт мама?» Книга могла бы стать пронзительным свидетельством заброшенности наших инвалидов. Даже если не говорить о культурных мероприятиях, в которых не может участвовать инвалид, остро стоит проблема кому, извините, подать горшок неподвижному человеку. И будь он хоть семи пядей во лбу, без элементарного ухода инвалид превращается в обезьяну, и все его достоинства унижены и оскорблены дозела.

К сожалению, я не сохранила всех тех писем, которые присылали мне люди, оставшиеся теперь одинокими, и в книгу собрать нечего. Однажды я решила, что все письма надо сжечь, чтобы когда уйду из жизни, их никто не читал. Эту «акцию» и совершили по моей просьбе на моём огороде, костёр полыхал большой, а на душе у меня стало нехорошо и с годами я пожалела об этом. А писать от себя — это не то. И всё же эта мысль меня тревожит: должна же быть какая-то служба, государственная или церковная, которая могла бы оплачивать труд сиделок, помогая жить инвалидам. Пока у нас не будет по телевидению и другим каналам прессы создаваться общественное мнение о человеческом отношении к инвалидам, никакого отношения и не будет, кроме дурного. Всё зависит от позиции государства.

И всё же я хочу выйти с письмом к Президенту Путину В.В. на эту тему. Как известно, капля камень точит.

Что касается реставрации храма, то она идёт себе потихоньку. Хотелось бы быстрее, да работники рассеялись по разным объектам, не успевают.

А о Коле что сказать? Много о нём можно узнать из моей статьи в буклете, который посылаю. Будучи талантливым, он человек настроения: хочет — рисует, хочет — пиво пьёт. Такой уж у него характер. Сейчас у него период «заглушки», во многом причина — его нездоровье, кроме того — психологический настрой. В пожилом возрасте люди часто пересматривают свою жизнь, особенно это касается мужчин. Они о чём-то начинают сожалеть, искать способы «омоложения», увлечения искусством отступают на задний план, и жизнь начинает кувыряться. Вот в этом состоянии Коля и находится. Что будет дальше — Бог весть.

У Прокошина дела плохие — болезнь пожирает его. Он что-то пишет в прозе, но я не хочу её читать, это не для моей души. Много раз говорила с ним о том, что причина его болезни может быть в той безнадёжности и черноте, которая в его сегодняшних творениях, но человек, живущий в темноте, тьмы не видит.

Что касается Валентины Невинной, то сейчас в Москве довольно часто устраиваются её поэтические вечера. Книг у неё вышло мало, никто не хотел печатать её стихов, но они разошлись в песнях и стали поистине народными. Вышедшая книга «Над рекой покаянной» — это результат натиска моего, её родных и друзей.

Вот, пожалуй, и всё. Привет вашим птичкам на кормушках за окном! До свидания. Будьте здоровеньки.

Людмила.

*Вере Игониной,
г. Екатеринбург.
29 марта*

Дорогая моя Верочка!

Вот и весна наступила, а по мне что весна, что зима — всё потолок над головой.

Год воистину високосный. Ещё с декабря начала болеть — пневмония. Думала, помру, но не тут-то было. Говорят, ещё не готова душа, должна здесь помучиться. С Нового года и продолжаю: обострилась ишемия. В общем, ничего продуктивного в жизни, кроме болезней (наверное, за грехи), не произошло.

С детскими домами всё по-прежнему — кормлю, пою, одеваю, обуюваю. Ещё есть люди, которые откликаются на просьбы. О себе тоже приходится заботиться и искать добрых людей, которые оплачивали бы труд моих сиделок, а их у меня теперь двое — Рита и Таня, так как одной не справиться — очень я поплохела, да ещё работница по кухне Люба.

У тебя вон желание есть: в деревню бы, в огород да в школе бы поменьше работать. А у меня уже и никаких желаний нет. Даже радость выбраться на прогулку стала физически трудной — носилки, матрас, одеяла, подушки, тело расплзается, подушки выезжают, на машине трясёт... В лесу, конечно, хорошо: тишина, шум деревьев, пение птиц. Если не приедет какой-нибудь придурок на машине и не включит на всю катушку свой приёмник. Прошедшим летом три раза удалось спуститься с третьего этажа на природу и насмотреться в небо. У нас очень красивые места. Так бы и не уходила домой. Всё-таки на природе удивительное ощущение себя вне суеты мирских дел, душа словно растворяется в воздухе, в каком-то неведомом пространстве, из которого не хочется окунаться в мир забот, мелочей. Как-то стала меня томить земная жизнь, наверное, постарела я.

От твоих школьников из отряда Н. Островского получаю иногда поздравления — похоже, ты их ещё муштруешь, чтоб не забывали своих «героев».

Пиши, всегда рада твоей весточке.

Людмила.

*Тамаре Горобченко.
г. Минск, Беларусь.
29 марта*

Дорогая моя Томочка!

Ты писала, что в марте тебе будут делать операцию на втором глазу. Как твои дела? Как чувствуешь себя? И надо ли тебе чем помочь? Пиши, не стесняйся.

У меня ничего нового, вот разве что одно событие: совместная с Колей выставка в московском выставочном зале. Но когда тяжело живёшь, то такие события как-то проходят мимо. Одно свидетельство осталось от выставки – буклет Колиных работ, который я тебе и посылаю. Надеюсь, тебе будет интересно. Пиши свои впечатления. Вот такой Коля был интересный и разнообразный в своём творчестве, в своём проявлении все наши совместные годы.

А теперь вот познакомился с продавщицей из палатки, что по соседству с нашим домом. И с этой женщиной он умеет только пить, со всем сопутствующим этому занятию. Я терпеливо жду, когда естественно как-то «рассосётся» эта ситуация. По дому он всё делает, не придерёшься, но, как приклеенный, как заколдованный, стоит в её палатке часами. Это тем более удивительно, что он никогда не любил сидеть без дела, его руки всегда искали какую-то работу.

В моих занятиях всё по-прежнему: кормим-поим три детских дома, одному недавно исполнилось 10 лет – мы начинали его с нуля, когда увидели брошенных детей в больнице и стали хлопотать об открытии приюта .

Если и правда решишь уйти на пенсию, бросив работу, заведи себе котёночка – это такая радость для сердца и такое утешение душе! У нас их трое. Двух «парней» пришлось кастрировать, чтобы мне не озаботиться ещё и кошачьими родами.

Посылаю тебе несколько фотографий наших красавцев.

Вот, пожалуй, и всё.

О маечках не беспокойся, у меня их достаточное количество.

Привет от Коли и всех моих домочадцев.

Теперь, кроме здоровья, и желать нечего – все земные желания как-то умяляются.

Обнимаю.

Людмила.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
15 апреля*

Юра, добрый день!

С наступающим тебя праздником Надежды и Веры в воскрешение наше и жизнь иную, без скорбей, слёз, без болезней... Я вот погрузилась в болезни. Наверно, сильно грешная.

Между тем жизнь идёт, и что-то в ней происходит. Например, наша совместная с Колей выставка в Москве в конце января, по поводу чего был сделан этот буклет, который тебе посылаю. Надеюсь, тебе будет приятно и дочке твоей интересно.

16 мая в 16 часов в Обнинске в художественном музее открывается выставка Николая, а чуть раньше, 14 мая, в 17.30 в обнинской библиотеке должна быть презентация этого буклета, где если бы и ты выступил, то было бы здорово.

Мы, как всегда, в работе с детскими домами. На нашу организацию ещё «подвесился» специнтернат с умственно отсталыми детьми, которых 85 человек и которым много чего надо.

А ещё мне всё время звонят из других организаций, работающих с детьми, и всё время чего-нибудь просят для своих мероприятий (даже из Калуги). У меня сложилось впечатление, что государство не хочет финансировать социальные программы по работе с детьми и только энтузиасты напрягаются в попытке что-то делать с помощью спонсоров.

Вот такие мои дела, а твои каковы?

Сейчас собираем деньги на отправку детей по путёвкам на юг.

А пока – пока. Доброго здоровья тебе и твоим родным.

Люда.

*Любови Горбачёвой,
пос.Румянцево, Московская обл.
25 апреля*

Дорогая Люба!

Чаше всего люди пишут мне в письмах по принципу – сначала за здоровье, а потом за упокой. У Вас всё наоборот: начали свой рассказ о жизни с грустного, а к концу письма сами поняли, что жизнь познаётся в сравнении и Ваша жизнь и судьба – не самый худший вариант.

Я вот, например, очень люблю работать со словом, как любят поэты, но, к сожалению, я не умею эти слова рифмовать, хотя у меня развито

и философское, и художественное мышление, необходимое для поэта.

У Вас это есть. Но когда Вам хочется, чтобы Ваши стихи все кругом читали и, наверное, хвалили, то в этот миг в Вас говорит не поэт, не творец, а тщеславный человек, которому важно его место в этом мире среди мирян. У ПОЭТА нет такой заботы, он пишет, потому что ему ХОЧЕТСЯ писать, потому что это, как для алкоголика или наркомана доза – невозможно не выпить, а то помрешь. У Вас есть поэтический дар, есть мысль, не хватает художественно-образного и абстрагированного видения мироздания и действующих в этом мироздании лиц, чтобы это стало большой поэзией. Но ведь это зависит от самого пишущего – самое малое, что рядом, как будто незначительное, увидеть философским взглядом, воплотить в метафорическую форму. Наверное, помните стихи Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»

Если б Вы перечитали своё письмо и настроились к нему, а значит, к самой себе через поэтическое зрение, Вы увидели бы много тем для стихов о самом простом, но близком каждому человеку. Например, тема Вашего сада, где просятся во всей своей красе «руки» и головки цветов, как нарождающиеся дети, а их глушит чертополох. А Вы смотрите на всё это из окна и горько думаете о новом поколении, которое потеряло любовь к земле, к красоте, к труду и самоутверждению через этот труд. Ленивая жизнь пришла на землю в лице новых детей, и только рацию руководит делами и сердцами.

Люди совсем по-другому хотят жить, говорить, любить... И мы им не указ, а только вызываем раздражение, если навязываем своё представление о правильной жизни. Мы, как инопланетяне, вынуждены друг с другом уживаться и понимать, и смириться с тем, что мы разные. И тогда никто не будет друг другу противен, чего я Вам и желаю.

Мы тоже не спим ночами, только по другой причине: то кашель до трёх ночи, то тело не может никак улечься, то сердечные приступы в четыре–пять утра. Мои сиделки, которых теперь уже двое, а временами и трое, устали от таких ночей, а изменить ничего невозможно.

Ваш внук через годочек вырастет и перестанет орать по ночам, а мои болезни только умножаются, и никаких перемен в лучшую сторону.

А вообще-то, как писал поэт: «Не ропщите, всё проходит, и ко счастью иногда неожиданно приводит нас суровая беда» .

Что касается моей жизни на сегодня, она очень напряжённая в связи с праздником Пасхи, с которым Вас и поздравляю. Пусть в Вашем сердце поселятся Надежда и Вера в то, что мы неумираемы, что придёт время и наступит другая жизнь без боли, без страданий, без скорби, без уныния... И наша сегодняшняя жизнь – это репетиция перед будущей, настоящей, и сколько вмещает сердце добра, любви, сострадания, прощения, терпения, надежды – такой и будет эта будущая жизнь.

Получила письмо от Татьяны Власовой со стихами и рассказами о себе. Стихи хорошие, на мой взгляд. Но, как это часто бывает с мно-

гочисленными стихами, у автора нет своего лица, своего строя мышления, своей судьбы, поэзия должна быть судьбоносной, тогда она становится настоящей. Так часто бывает: то на Фета похоже, то на Асадова, то под Цветаеву, то ни под кого, в том числе и не под себя. У Тани может получиться приличный сборник, она умеет любоваться миром природы, но рассказывает об этом, как рассказывали до неё десятки других поэтов, пусть даже из плеяды известных. Вот такая я придирчивая. Ищу в стихах человека, не похожее ни на кого.

Вот пока и всё. Если что-то Вам показалось резким, то потерпите.

Людмила.

*Мариам Шакировой,
Башкортостан.
16 мая*

Дорогая Мариам Фатхиевна!

Получила Вашу посылку. Огромное спасибо за подарок. Интересно, что год назад такой же подарок я сделала своей подруге на юбилей. А через год такая же шаль вернулась ко мне от Вас. Вот такое свидетельство: не жалею того, что отдаёшь, и оно тебе вернётся.

Что касается средств от бессонницы, то это было так давно... Теперь я засыпаю на ходу не только ночью, но и днём, и ни каких лекарств от бессонницы не нужно.

Спасибо Вам на добром слове о моих рисунках. Посылаю Вам буклет с работами моего мужа Николая — думаю, Вам понравятся и его картины, и его поделки.

Дай Бог Вам здоровья и радостных ощущений наступающей весны и будущего лета.

Людмила Георгиевна.

*Светлане Фёдоровой,
г. Красноярск.
18 мая*

Дорогая Светлана!

Спасибо за доверительное письмо, а также за то, что в наши суетные дни Вам хочется переписываться, тратить на это время, рассказывать что-то о себе, да ещё реагировать на чью-то чужую судьбу (в данном случае — мою).

Эпистолярный жанр был когда-то моим любимым способом общения, осталось так много писем от прошлых времен, что некоторые мои подруги стали из них делать книги, одну из которых я Вам и посылаю: «Здравствуй, вот я!»

Но прошли те времена, когда было желание обмениваться впечатлениями о прочитанном, делиться восторгами об увиденном по ТВ балете... Да и читать стало некогда и трудно.

Моя жизнь стала совсем другой, чем, скажем, двадцать лет назад, в ней появилось много забот, с тех пор, как умерли родители, о быте, о семье. А десять лет назад в моей жизни прибыло много детей, живущих в детских домах. Так мои заботы распространились ещё и на них. Мне нравится обувать-одевать-кормить их, как если бы я растила своих детей. Их жизнь, которой я коснулась, мне кажется страшнее всякой «страшной» книжки. Я столько узнала детского горя, взрослой безответственности, поруганности нашей человеческой жизни, что мне расхотелось читать книги — они показались мне слабым отражением людских трагедий.

Я давно не рисую, и все восторги, которые я сейчас выслушиваю от людей, вдохновлённых моими рисунками, — это как бы не мне уже принадлежит, а тому времени, когда я была другой, той, что в картинах моих. Моё физическое положение усугубилось тем, что из сидячего положения я перешла в лежачее, и вот уже десятый год моё тело слабеет, так что я даже писем писать не могу, поэтому моя переписка свелась к очень ограниченному пространству и количеству людей. А на компьютере мои письма печатают сиделки, которых у меня две с тех пор, как рухнул позвоночник моего мужа, который носил меня восемнадцать лет.

Что касается Вашей несостоявшейся жизни в качестве художника, то хочу напомнить, что очень многие люди начинали рисовать (и писать) в преклонном возрасте и многие из них не обучались этому в учебных заведениях. Если Вам хочется учиться рисованию, то есть Заочный народный университет искусств, где училась я, откуда вышли известные художники. О поэзии мне говорить труднее, потому что кто же теперь не пишет стихов (разве, что я), и надеяться стать поэтом, не будучи им изнутри, от природы, от Бога — смешно. Для многих стихи — это порыв души выразить себя, свои переживания, свои поучения через философские рассуждения, но невозможно научиться мироощущению, свойственному только одному человеку, который и называется поэтом. Мне очень многие люди присылают свои стихи, и я радуюсь, когда душа просит рассказать о себе и о своём «высоким штилем», но это всё для обмена друг с другом, это не та поэзия, которая называется вселенской.

Вот пока и всё, что я могу сказать.

Добрых Вам друзей, с которыми есть возможность соединиться через творчество.

Всего хорошего, живите в радости.

Л.Г.

*Светлане Рупановой,
Ленинградская обл., г. Гатчина.
25 мая*

Дорогая Светлана Георгиевна!

Рада за Вас, что жизнь Ваша так интересна, наполнена творчеством. Когда-то и моя была такой же до тех пор, пока не ушли из жизни родители и моя жизнь не сузилась до практической, до борьбы за выживание. Потом в мою жизнь пришел Николай, и в доме опять зазвучали стихи, песни, появились рисунки, было много музыки, звучащей с пластинок (классика), но это было уже не моё творчество — я вступила в содружество с творчеством Николая: это он рисовал, плёл корзинки (декоративные), лепил свистульки (музыкальные), а когда подарили видеокамеру, снимал кино...

Я была только его соучастницей: вместе разбирали по книге, куда и как загибается прутик в корзинке; я искала муфельную печь для обжига глиняных игрушек, устраивала выставки Колиных картин и музыкальные вечера с его песнями, вместе с ним подбирала музыку к видеоряду. Когда у него началась аллергия на природные материалы, мы «застряли» надолго в пустоте ничегонеделанья, только быт оставался спасением в той плотной ситуации, в которой мы пребывали. Тогда Николай увлекся садом-огородом, так что соседи ходили любоваться, как на картину, на произведение его рук. А у меня появилось много детей в виде детдомов, и я увлеклась новым для себя делом, которое стало для меня важнее всех рисунков и прочих ручных изделий. Узнавая судьбы этих детей, я познавала такую трагедию жизни, которой нет ни в одной книге (с тех пор и книги мне стали неинтересны).

На несколько лет Николай ушёл в депрессию, чувствуя себя одиноким и ненужным. Способствовала этому болезнь позвоночника (грыжи, протрузии), из-за которых наша жизнь резко изменилась. Мы не могли больше гулять по улице вместе, и он не мог больше тянуть домашнюю работу, которой посвятил 18 лет. С большим психологическим напряжением пришлось согласиться на вхождение в нашу жизнь чужих людей, которые могли бы носить и обихаживать моё тело. Поначалу это были послушницы из монастыря, в котором мы опекаем приют «Отрада». Позже пришлось искать сиделок через объявления в газетах. Так в моём доме появились разные люди из разных «стран», и в доме опять образовался Советский Союз, а семейная жизнь превратилась в общежитие: Люба с Украины работает по кухне, а две девушки из Молдавии Рита и Таня (болгарка) не спят со мной ночами и дежурят около меня днём. И всё это сопровождается постоянным поиском денег для оплаты их труда и для детей детских домов, среди которых много больных. Я каждый год стараюсь отправить их в санатории г. Евпатория.

Вот коротко о нашем прошлом, настоящем, и только будущего не знаю, лишь предполагаю.

Станным кажется то, что сейчас всё возвращается на круги своя: через много лет затишья вдруг опять стали популярны мои рисунки, о них неведомыми путями узнают люди, пишут мне восторженные письма. Я решила тоже обратить на них внимание, издать буклет, распечатать — на принтере, чтобы посылать желающим.

Решила «реанимировать» рисунки Николая, созданные 20 лет назад: выпустить буклет с его рукоделием (который посылаю Вам), устроить его выставку. Вот так я живу своим прошлым творчеством, точнее — собираю с него плоды, как с посаженного когда-то сада.

Вот, пожалуй, и всё. Творческих Вам успехов. И ещё напишите, что именно есть у Вас из моих (и Николая) книг и дисков. Я так часто посылаю всем наши «богатства», что просто забываю, кому что отправляла.

Всего самого доброго.

Людмила Георгиевна.

*Татьяне Власовой,
г. Шатура, Московская обл.
28 мая*

Здравствуйте, Татьяна!

Получила все Ваши письма. Спасибо за доверие и все Ваши секреты. Но хочу предупредить на будущее, что поскольку я сама писать не имею возможности, за меня пишет другой человек на компьютере, и читает приходящие письма тоже кто-то из моих сиделок

(а их две), поэтому все Ваши секреты знают и они. Впрочем, лично я не вижу в этом ничего страшного, так как подобных ситуаций с «тарелками», «сигналами» и прочими «чудесами», которые случаются с людьми, приходится встречать не так уж редко и в прессе. Загадочного очень много на Земле и в Космосе. Но это всё загадочно до тех пор, пока не захочешь познавать наше домоустройство, тогда тайн становится меньше. Человеческий мозг — великая тайна, а душа человека — и вовсе неведомое пространство, связанное с высшим миром, о котором мы можем только догадываться.

Однако, чтобы нам не свихнуться от тайнознания, Господь пока закрывает его от нас и не дает всевидение, а только часть для освоения нашей душой, нашим умом. И вот, продолжая эту философскую тему, попробуем рассудить о том, что всё в мире взаимосвязано, и мол, если убить комара, то произойдёт обвал где-то в горах. Не отрицая того факта, что весь мир природы находится в единстве, и не только в физическом, но и в духовном. Предлагаю подумать: если бы каждый из нас пострадал или заболел, или упал, или попал в автомобильную катастрофу от того, что кто-то о нас плохо подумал, то мир давно рухнул бы. Господь защитил каждого из нас от вторжения в наши мысли и в наше здоровье. Конечно, есть всякие колдуны, маги, чьи-то проклятья, которые могут повлиять на жизнь человека, но в таком случае от самого человека зависит не ходить к магам и волшебникам, как и завещал Христос.

Мне кажется, что всем нам не надо придавать значения собственной персоне, искать ответ на вопрос «кто я?», потому что кто бы я ни был, я есть, я существую, я тот, кто есть, и только Богу известно моё предназначение, а я должен жить, как Бог мне посылает: могу писать стихи — пишу, могу рисовать — рисую, могу помогать людям — помогаю. Из меня рвутся зло, гнев, раздражение — я с ними борюсь, потому что этого Бог не велел. И когда это руководство будет во всей жизни человека, наша человеческая жизнь тоже станет гармоничной, без войн, без подлости, без насилия, тогда и сирот не будет.

Я верю в то, что мысли материализуются, только не всегда в том варианте, в каком мы подумали, хотя иногда случается, сбывается то, о чём подумал.

Вы пишете, что мне удалось отточить своё творчество до профессионализма. А мне кажется, что мои рисунки дилетантские, и всякий профи художник Вам это скажет. Если в рисунках моих есть обаяние и что-то в них «цепляет» сердце, касаясь его глубинных струн на самой высокой ноте человеческого духа, то это потому, что духовное развитие автора (это касается любого художника, поэта — всякого Творца) достигло того уровня, где он начинает понимать суть человеческих отношений друг с другом и с Небом.

Вы, человек, владеющий словом, несёте людям возможность открывать мир именно на этой высоте. Но чтобы иметь такую возможность, надо к этой высоте стремиться, развивая в себе многомерный

ЗАБЫТЫЙ ПОРТРЕТ

Скоро выпадет снег —
Будет все по-иному.
Слово просится вверх,
К всепрощенью земному.

Но чердачная грусть
Прилегла у порога.
Я еще задержусь
В этой жизни немного,
Где поверх колдовства
Лягут женские руки,
И сухая листва
Вспомнит старые звуки,
Где цветут пустыри,
Чем позднее, тем горше,
И чадят фонари,
Словно лампочки божьи.
Вот и все, чем богат,
Вот и все, что осталось:
Чем просторней закат,
Тем обыденней жалость.
И пока дни твои
Не ушли в глубину морскую,
Я пою о любви
И ничем не рискую.

Валерий ПРОКОШИН

взгляд на мир и себя в этом мире. Тогда и стихи обретают Ваш взгляд, Вашу душу. Если человек мелкодушный, то какого профессионализма в технике стиха он бы ни достиг, стихи его будут мелкодонными, пустыми, с кажущейся значительностью — таких стихов сейчас много, красивых и пустых.

Мне очень нравится это стихотворение Тютчева:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Как велик поэт, который постиг мудрость, что всякое произносимое слово должно сосуществовать с милосердием (сочувствием), а милосердие (благодать) — дар Божий. А ещё в Евангелии сказано: за каждое слово ответите. Поэтому когда многие люди с лёгкостью берутся за перо, они даже не знают, что их «хобби» налагает ответственность. Это, конечно, не значит, что надо всем заткнуть рты, просто каждому надо идти к пониманию: что пишу и зачем пишу.

Чтобы Вы не переживали, что Вам надо вернуть Любе мои подарки, посылаю Вам всё то, что Вам понравилось: книгу Музы Воскресенской «Здравствуй, вот и я!», стихи Милова и Прокошина, буклет Николая Милова, и ещё — сюрприз: фильм о нас с Николаем «Про людей...», который в прошлом году прошёл по ЦТ. Так побываєте у нас в гостях.

Удачи Вам на творческом пути. Здоровья и радости в жизни Вашей семьи.

Л.Г.

*Любови Горбачёвой,
пос. Румянцево, Московская обл.
29 мая*

Добрый день, Люба!

Спасибо за письмо, и пусть тебе никогда не приходит в голову мысль понравиться, когда ты пишешь мне.

Я думаю, что мы общаемся не для того, чтобы друг другу понравиться, а чтобы рядом с другим чему-то учиться, что-то понимать, в том числе и в самом себе что-то открывать, потому что только рядом с другим познаешь себя — и плохое, и хорошее в себе неведомом. Ты пытаешься так же через других, то есть через читателей, пони-

мать свои стихи и учиться на чужом мнении «правильно» писать. Конечно, нашему творчеству необходим отзвук другого сердца. Это как проверка: а что же у меня получилось? Но писать стихи «под читателя» — это абсурд. Мало ли что увидится другому в твоём стихотворении — это зависит от его культуры, от его образования, от его способности мыслить и чувствовать. И у всех людей эти возможности разные, потому и получается, что одному нравятся твои стихи, а другому нет. И на кого же тогда равняться, кому угождать? Я понимаю тебя и твоё желание услышать критику своего творчества — иногда чувствуешь себя, как слепой, не видишь собственного произведения, и в читателя смотришь, как в зеркало, чтобы увидеть себя, своё.

Теперь про «Осень» (это только моё мнение). В целом это стихотворение с настроением и понятно каким, но очень «сбойное» по ритмике, по мелодии стиха. Когда читаешь, всё время спотыкаешься: такое ощущение, что хорошие строчки разбросали в беспорядке по полу и теперь их все надо собрать, правильно соединить, как мозаику, чтобы получилась картина цельная, как песня, легко идущая из горла. Попробую немножко проанализировать его. Первые две строки — часто встречающийся образ осени: тут тебе и «промокшие листья», и «осень швыряет» — это банально, так пишут все, у кого нет вкуса и чувства к слову (не обижайся, сама напросилась!). Далее: автор посыпает голову пеплом, он в чём-то виноват, пишет, что кается, но почему-то не отрекается, хотя покаяние само по себе есть суть отречения от того, что совершил (автору надо разобраться в себе). Опять же, в чём автор кается — нигде никак это не просматривается. Ну ладно, Бог с ним, пусть это останется его тайной, хотя если сказал «а», то надо говорить и «б», иначе зачем огород городить. «Платье берёзы», «волосы берёзы» — так пишут многие. Ищи свой образ или вообще не пиши.

Ну, если есть во всём этом стихотворении одна достойная строчка и образ, это: «Тянет тоску, как за ниточку к югу, клин журавлиный» — и то с натяжкой.

Что касается публикующихся ныне поэтов, то теперь за деньги чего только не издашь. Я хотела сказать, что поэт не озабочен, сколько его книг стоит на полке. Уж если о чём и заботились поэты, особенно писатели, так это о гонорарах за свои произведения, потому что деньги были нужны. Вспомни, как писали Достоевский, Бальзак и другие. Из-за денег появилось столько великих произведений. А другие знали, что пишут «в стол», но не шли на поводу у редакторов (читателей), а хотели сказать своё, потому что было, что сказать.

Когда тебе говорят «ничего не поняла», не надо думать, что в этом виновата ты, значит, тот человек не умеет мыслить поэтически, или невежественный, или просто тупой. Другое дело, если читатель сумеет сказать что-то о твоём стихотворении, пусть даже нелицеприятное, тогда есть о чём говорить. Очень многие люди, даже почитав Пуш-

кина, скажут «ничего не понял», а что уж говорить о М. Цветаевой.

Ну, а теперь о прозе жизни. Моей маме было не до моих причёсок и ногтей – на ней было всё хозяйство, а отец пропадал на работе. Всё, что ты видишь на фотографиях, это мои усилия, которые с годами были всё труднее, так как руки слабели и надо было всё время придумывать что-то, чтобы их поднять на уровень головы и делать причёску. Теперь таких забот у меня нет: сама делать ничего не могу, Коля наматывает мне бигуди после бани, а мои девчонки-сиделки только причёсывают меня и красят мне ногти. О косметике забыла, да я её не очень-то и любила, только глаза красила.

Не знаю, удовлетворила ли я в тебе поэта, лишь бы не обидела в тебе человека. Все твои переживания о твоём сегодняшнем состоянии мне знакомы, но, так уж устроил Бог, что каждый из нас свои беды, свои боли, свои неудачи переживает наедине с собой, в своём теле. И мы можем только посочувствовать друг другу. Дай Бог тебе терпения нести эту жизнь без ропота и отчаяния.

Людмила.

*Нине Пинчук,
г. Бабруйск, Беларусь.
29 июня*

Здравствуй, Нина Анатольевна!

Прошу прощения, что так надолго затянулось моё молчание в ответ на Ваше письмо, которое попало в мои документы, и только разбирая архив, я обнаружила его и Ваши стихи. Обычно такого не бывает, это случайность. Тем не менее Ваш вопрос о публикации моих рисунков в книге Ваших стихов всё это время остаётся открытым, и я сожалею, что прошло столько времени.

Хочу сказать то, что я говорю всем людям, обращающимся ко мне с той же просьбой: стихи должны быть сами по себе интересны, нагружены содержанием, красивы по литературному воплощению так, чтобы им не нужны были никакие рисунки, поддерживающие их слабую. Конечно, мы знаем много книг стихов с рисунками, но их делает художник, исходя из самих стихов, и это оправдано – он только иллюстрирует уже сказанное. Мои рисунки, созданные как самостоятельные картины, выглядят нелепо среди другой тематики, другого мироощущения, другого словесного выражения. Обычно художник-оформитель, если он хороший художник, чувствует, в какой технике он должен работать, исходя из содержания стихов. Мои рисунки не очень-то вяжутся и с Вашими, и с какими-то другими произве-

дениями, потому что я задавала им СВОЮ МЫСЛЬ, а у Вас в стихах свои. Если кто-то, не спрашивая меня, публикует мои рисунки в своих книгах, меня это огорчает: мне кажется, автор хочет «украситься» чужими мыслями или заблуждается, что его стихи и мои рисунки — одно и то же. Ваши стихи и без меня сами по себе вполне достойны публикации и интересны читателю в отличие от многих стихов, банальных и часто графоманских, которые я получаю (с той же просьбой, что и Ваша). А вот художник-оформитель, конечно, стихам нужен, чтобы украсить страницу, и может быть, какой-то художник сможет найти эквивалент Вашему строю мысли.

Спасибо Вам за все добрые слова в мой адрес и в адрес моего мужа. Может быть, Вам будет интересно познакомиться с творчеством нашего с Николаем друга Валерия Прокошина. Его стихи часто встречаются в Интернете, но главным образом современные, а я люблю его ранние стихи, в которых было больше чувства, хотя меньше профессионализма, да и цинизма было меньше, так свойственного сегодняшнему мышлению.

Слава Богу, в Ваших стихах нет этого цинизма, и Вы умеете говорить о ценностях вечных, неизменных, нужных каждому человеческому сердцу. К сожалению, наше время не требует поэтического «питания», оно всё больше печётся о «колбасе», и это очень грустно. Но я всегда надеюсь на то, что люди, наконец, «наедятся колбасой» и увидят Небо, а поэзия — это с Небес. Пусть Ваша душа часто обращается к Небу.

Здоровья Вам и радости.

Людмила Георгиевна.

*Любови Горбачёвой,
пос. Румянцево, Московская обл.
7 июля*

Дорогая Люба!

Хорошо, что хоть «суховатая» переписка у нас есть, другим я и вовсе не пишу — так загружены дни моей жизни, что к вечеру уже язык лыка не вяжет, как говорят про пьяных. Мой голос так охрип от телефонных переговоров, что врач, услышав мой «тембр», закричал: «Закройте рот!» В общем, не зашипеть бы, как змея, а то и сиделку позвать не смогу.

Всё это связано с десятилетней работой на телефоне (звонки по фирмам), а теперь вот ещё и с реставрацией храма. Чем ближе к завершению крыши, тем больше требуется денег, тем чаще звонки в

поисках спонсоров. Зато на днях будем возводить маковку с крестом, и это награда за все мои напряжения. Будет молебен, освящающий крест, а это всегда праздник.

Засыпаю в два-три ночи, а просыпаюсь в семь-восемь-девять часов, чтобы «поймать» всех, кого надо притянуть к этой работе: администрацию, мусорщиков, грузовики и т.д. и т.п.

Вот такая моя «поэзия»!

Сожалею, что не пишу стихов, хотя бы описательных, — сочинила бы «балладу» на тему, о чём только что рассказала. Она, «баллада», сама по себе есть, только её никому не видно и никто не может её прочитать, кроме меня и, может быть, краеведов, а всё-таки было бы приятно зафиксировать этот факт — воздвижение храма. Поэтому, когда ты пишешь свои стихи, это твоя родная песня о фактической жизни, и не обязательно, чтобы её пели все. Обычно, когда стихи западают в душу, люди сами находят их, да ещё и музыку сочиняют. Так случилось со стихами Вероники Тушновой, Марины Цветаевой, Риммы Казаковой, Андрея Вознесенского, Михаила Танича и многих-многих других сочинителей, чьи стихи стали любимыми ещё и через музыку.

Творчество — это такое волшебное дело, которое никому не навязьешь, если не нравится, и никто не может им овладеть, если нет соизволения с Неба. В миру мы много чем занимаемся, что не обязательно становится достоянием множества людей. И это тоже не трагедия, потому что творчество — это прежде всего радость для самого творца. Радуйся, Люба, радуйся, что есть у тебя в твоём трудном положении такое утешение, да ещё «экипировка» вон какая у тебя техническая! Пиши себе да пиши!

Возвращаю тебе стихотворение, на котором сделала маленькие пометки. История затопления церкви сама по себе трагическая, и тема попытки пловца коснуться её затопленных стен рукой могла бы стать глобальной, если бы в твоём стихотворении не кончалось всё рыбками и брызгами. Ты порассуждай о том факте, что человек в жажде счастья хочет прикоснуться к храму, а сам же и затопил этот храм — таков парадокс человеческой души. А уже вокруг этой главной темы можно описывать и речку, и лодку, и ребятишек, но всё подчинить теме. В каждом произведении должна быть тема, а техника — дело второе. Ты же, на мой взгляд, больше увлекаешься техникой.

В Обнинске прошла выставка Николая Милова, моего мужа. Сначала был творческий вечер, где он пел, читал стихи, только что не плясал, показывали его фильмы и всячески славословили, что вполне достойно его творчества. Буквально накануне выпустили буклет с его рисунками, который я тебе послала в прошлый раз.

Книга стихов же у Милова вышла лишь однажды – «Берег тайного причастия», и эту книгу я тебе тоже посылала, или её присылала тебе Анна Михайловна вместе со стихами Валерия Прокошина.

Недавно, вышла книга наших боровчан Валерия Прокошина и Эльвиры Частиковой с двойным названием: «Прогулки по Боровску» – «Однажды в Боровске». Посылаю тебе в подарок. Надеюсь, порадуешься.

А ударение делается на второй слог фамилии Милов, хотя мне больше нравится, когда на первый. Когда-то подружки «изгалялись» над нашими фамилиями и именами: КисеКолевы, КисеМиловы, ЛюдоМиловы, МилоЛюдовы,

Удачи, успехов, радости, здоровья и всего-всего, что составляет человеческую жизнь. Пока – пока.

Людмила.

*Вере Алейновой,
г. Лермонтов.
22 июля*

Дорогая Вера!

Спасибо за лепту, теперь и Ваш «кирпичик» в стенах нашего храма Крестовоздвижения. Тело моё устало, а сердце радуется, что прямо из окна уже видно блестящую главку и крест на храме. Впереди деревянные перекрытия большого купола и его металлическое покрытие. Ну, и ещё всякие штукатурные «заплатки» и кирпичные украшения по карнизу. Потом красить, и даст Бог, мы всё это успеем к сентябрю. Конечно, никто для службы этот храм пока не отдаст – в нём располагаются три организации, в том числе и наша. У нас в Боровске много церквей, а людей в них ходит не так уж много, только по большим праздникам многолюдно и тесно. Ещё у нас есть Пафнутьев-Боровский монастырь – там всегда люди. Когда-то в городе было 32 церкви, осталось семь. Сейчас восстанавливаются храмы Михаила Архангела и Спаса Преображения. На площади была церковь Преображения с приделом Параскевы Пятницы (почему-то её в народе звали Пятницкая), так вот её разрушили, и теперь на этом месте стоит памятник Ленину.

Посылаю фильм «Про людей...» - о нас с Колей.

Ещё раз спасибо за Ваше старание, ведь это благодаря всем, кто шлёт деньги, и дети лечатся, и храм восстанавливается, и все другие дела, которые я делаю, осуществляются.

Дай Бог Вам сил жить в радости и терпении!

Людмила.

*Ольге Голобурде,
г. Выборг.
23 июля*

Оленька, привет!

Спасибо за информацию об анапских здравницах, вероятно, на будущее лето я воспользуюсь ею. В Евпатории мы стали родными, но таможня всех замучила, придираясь к каждому несоответствию документов, которые ничего не меняют в ситуации. Например, в одной из поездок пограничный контроль высадил из поезда ребёнка 11 лет только за то, что её свидетельство о рождении было в ксерокопии, а не в оригинале. Девочку временно сдали в приют, так как сопровождающая не могла оставить группу больных детей, которую она везла в санаторий Евпатории. Обезумевшая мать ребёнка была вынуждена на такси проехать полдороги до той станции, где высадили дочку, а перепуганная девочка со слезами кричала, что больше никогда не поедет в санаторий.

А в другой ситуации сопровождающая не заметила, что её паспорт просрочен на несколько дней, и её высадили с сыном-инвалидом на коляске из поезда, невзирая на то, что группа детей должна была ехать одна до Евпатории, где ждал автобус.

Наши человеческие отношения свелись к таким законодательным мелочам, что диву даёшься, как же происходит столько крупных нарушений законов, воровства и разбазаривания государственных денег при таком жёстком контроле!

Очень рада за тебя, что удалось здорово отдохнуть, и радуюсь тому, что ты такая подвижная ещё — выдержишь такие путешествия. А я физически чуть лучше покойника, даже перенестись с кровати на диван — проблема: то печень зажалась, вдавилась в диафрагму и начался кашель, то шея пережалась и в глазах потемнело, то копчик проткнул кожу от многолетнего лежания и не знаешь, куда его положить... Не до санаториев, но, может быть, всё это для того, чтоб лежала и другие дела делала.

На церкви Крестовоздвижения, которую пытаемся реставрировать — уже блестит главка с крестом, сейчас ведутся работы по куполу большому, истратили на предыдущую работу 600 000 с лишком рублей, а впереди понадобится ещё 500 000. Денег в таких больших суммах никто не даёт, и они набираются по 5-10-15 тыс.руб.

Лето стояло холодное, и выбраться на поляну к речке удалось только один раз. Николай подвизался работать со стройбригадой, и его нет дома с 6-8 утра до 10 вечера, и чтобы мне куда-то поехать, надо срывать его с работы. Ну, может, ещё повезёт, и в августе-сентябре удастся побыть на воздухе, поглазеть на природу. Вообще-то я не очень стремлюсь вырываться куда-либо в другую атмосферу: вроде

лежу и лежу себе, а почувствуешь другую жизнь — начнётся по ней тоска. Изменить же в моей жизни ничего невозможно, и тоска по другой мне ни к чему — мне бы эту дотащить, «дотосковать».

Что у тебя там с сиделками? Нашла ли подмену той, которая ездила с тобой на юг? Я послала тебе информацию по центру «Надежда», но хочу дополнить её своей информацией. Глав. врача зовут Ганичкина Ирина Андреевна, мы с ней разговаривали. Она предложила свою помощь от центра «Надежда» нашему «Дому адаптации», прочитав в «Новой газете» за 16 июня про нас статью («Жизнь начинается в «Чашке чая»). Ты можешь обратиться к Ирине Андреевне по мобильному телефону, сказав, что находишься под опекой «Дома адаптации детей-сирот и инвалидов» и тебе нужна помощь... Какая именно — скажешь сама. Ты можешь запросить сиделку почасовую, круглосуточную, на время поездки в санаторий и т.д. У них есть сиделки с медицинским образованием, если нужна такая. У них подход индивидуальный к тому положению, в каком находится инвалид. Кроме того, они могут бесплатно или с минимальной оплатой взять на лечение нашего подопечного в стационар в Москве. У них хорошая лечебная база госпиталя, где проводятся даже операции. Обо всем, что будешь предпринимать, сообщай мне — я буду регулировать.

Теперь еще один деловой вопрос, «зубастый». Мне думается, что имплантанные зубы — это для очень богатых людей, давай попроще. Я живу с протезами во весь рот 30 лет. Это самые обычные пластмассовые зубы, последние из которых ношу лет 20 и только что орехи ими не грызу. Всё остальное — соблазн (мы же с тобой не голливудские артистки).

Если твои протезы будут стоить до 20 000 рублей, (ну, 25 000), то я смогу из нашего фонда заплатить эту сумму, только прямо в стоматологическую клинику, так как деньги находятся на счёте в Москве. Давай ты займешься собой вплотную. Ты ведь у нас девушка ещё ого-го!

Что касается ванной, то надо вызвать специалиста, который оценит бы работу по её перестройке, и тогда, зная сумму, я могла бы поискать спонсора.

Олечка, у тебя часто звучит вопрос: за что ему это? Так ты говоришь в разных случаях, и за всем этим стоит твоё недоумение и даже несогласие с Богом, как будто Бог несправедлив и недобр. Это свидетельствует о твоём духовном невежестве и, может быть, нежелании понять, почему мы так живём, страдаем, мучаемся... У тебя есть знаковый пастор, и мне думается, что, даже сидя на пляже у моря, можно с ним разговаривать и познавать ответы на многие вопросы. Сейчас очень много духовной литературы, из которой можно получить ответы на все темы.

Наши с тобой дела — это, конечно, Богоугодно, но мне думается, что иногда мы делаем их не из любви и сострадания к людям, а просто потому, что нам нравится вставать и с утра начинать работу. В этом

разница между «хобби» и христианским деланием. И ты, и я порой раздражаемся на тех, кто нам «садится на шею», а в христианстве должно быть терпение и смирение к тем, кто обращается с просьбой, даже если они тебе не нравятся. Думаю, пастор скажет тебе то же самое. Очень часто такой разницы мы не замечаем в своих трудах, и нам кажется, что всё у нас правильно. Вот так же мы видим жизнь ещё кого-то из страдающих, думая, что нам всё видно, уж мы-то всё понимаем...

Знаешь, почему Христос сказал: «Не судите да не судимы будете»? Потому что мы не знаем, как жил человек до сих пор, что формировало его душу и почему он такой. Уродливые дети – результат нашей грешной жизни. Если ты посадишь цветок, а потом забудешь про него, то есть перестанешь отвечать за его жизнь (поливать, держать на свету, подставлять под него палочки, когда клонится), то и вырастет он уродом, если вообще вырастет. Если женщина, будучи беременной, курит, пьёт, совокупляется с мужчиной, когда нельзя, если плохо питается, переживает нервные стрессы, то она, как земля, на которой всё плохо и уродливо растёт. А уродство наше началось от сотворения, и чем дальше мы от Бога, тем уродов больше и больше. На них грехи людские являются. И все-таки убогий человек – это человек, который близко к Богу.

Теперь немножко о Тамаре Муруновой. Последнее её письмо очень меня опечалило. Я послала ей ту же информацию о центре «Надежда» и в письме пыталась её растолкать на подвиг поиска спонсора, после чего она мне не ответила. Пыталась дозвониться – не получилось. И пока ничего не знаю о ней. Физически она чуть получше меня: у неё тоже появился кашель и, как и я, самостоятельно она откашляться не может. Особенно мучается ночами, когда одна.

Желаю тебе сил для продолжения активной жизни. И да не покинут нас благодетели, именуемые ныне спонсорами!

Обнимаю.

Люда.

*Любови Горбачёвой,
пос. Румянцево, Московская обл.
21 августа*

Добрый вечер, Люба!

Подвенадцатого ночи – самый разгар переписки. Днём некогда – дела, звонки, люди...

Я по-прежнему лежу: подо мной мой – диван, надо мной – потолок, жара 40 градусов, и я вся мокрая. Включишь кондиционер – холодно...

Друзья говорят про отпуск, от работы, мол, отдохнуть надо, а как отдохнуть от болезней, кроме как забыть о них в труде, вот и я тружусь. Зато Коля мой в Евпатории, в первый раз за нашу совместную 20-летнюю жизнь: выскочил, как собака с цепочки, не может никак адаптироваться, звонит и кричит: «Домой хочу...» Накануне его отъезда выбралась под берёзки со всей своей свитой, послушала шум деревьев, поглядела в небо, подышала кислородом – вот весь мой отдых. Но это не в качестве жалобы, просто замечаю, что всё реже хочется вылезать из дома – всё труднее стало и для меня, и для всех.

Что касается источника информации о вашем озере, то надо сделать заказ в архив Ленинской библиотеки, откуда пришлют справку со всей историей этого озера или со ссылкой на какие-то публикации.

Книга «Частикова–Прокошин» не является моей инициативой. У них уже вышло несколько «двойных» книг. Просто я продудела Прокошину все уши, что его первые стихи лучше последних своей добротой и любовью, вот он и решил их опубликовать. Что касается стихов Частиковой, то более ранние её стихи тоже были, на мой взгляд, интереснее. Что поделать, наверное, с годами поэты «выписываются», поэтому, наверное, они либо рано умирают, либо их убивают, либо они кончают жизнь самоубийством. Кто знает, какие стихи писал бы Пушкин в 90 лет?! А вот художники часто живут до 90 и не скудеют своим талантом. К чему бы это? С этим вопросом я тебя оставляю.

Твои стихи меня не обременяют, так что присылай, если будет, о чём поговорить, поговорим. Иногда вдруг у пишущего человека такой открывается фонтан – неожиданный для него самого. Как знать, какие стихи родятся ещё в недрах твоей души.

Ну, пока.

Людмила.

*Светлане Морщацкой,
Беларусь, г. Чисть.
28 августа*

Добрый вечер, Света!

Получила свою «биографию» из твоей книги о супругах-инвалидах, над которой ты работаешь. Читать нескучно даже мне, которая всё про себя знает. Надеюсь, и другим будет интересно. А если ещё будут и рисунки, и фото, то это, конечно, украсит материал.

Но есть ряд замечаний, одно из которых серьёзное и требующее поправки в тексте. Однако сначала о мелочах. Мне кажется, что, начиная с 16-летнего возраста, называть меня по отчеству — это не очень правильно. К более пожилому возрасту это нормально. Особенно отчество неуместно, когда речь идет о личных отношениях двоих (то же касается и Николая).

Не очень удачным мне кажется название: оно какое-то «могучее-кипучее», как советская песня про Родину. Отношения двоих — это всегда психология, это душа, это неповторимость, уж если брать для названия чью-то цитату, то соответствующую этим отношениям, а здесь по-

лучается рассказ об одном человеке, о Людмиле Киселёвой, какая она могучая и вот какая у неё мечта осуществилась — замуж вышла.

Теперь о промахах более серьёзных. На странице 4 идёт рассказ с названием «Любовь как боль», в котором получилось смешение двух судеб, двух имён, двух моих любимых мужчин, а именно: про журналиста — это одна история, а про человека, который умер, — это совсем другая история из более раннего периода моей жизни. Поскольку материал биографический, то изменять в нём факты нельзя.

Теперь о самом главном. На 8 странице ты упоминаешь все мои регалии и награды, среди которых награда медалью ордена «За заслуги перед Отечеством». Думаю, читатель сильно удивится, за что же дали мне медаль, неужели за любовь к Коле!? А ведь эта медаль дана за мою социальную работу в качестве директора «Дома адаптации», о которой ты упоминаешь вскользь одной строкой. Это десять лет нашей жизни — не просто страница в книге, а большая часть наших отношений, это наше совместное сочувствие трагедии детей и попытка соучастия с их судьбами.

Мы оба были потрясены, когда впервые соприкоснулись с детьми, оказавшимися отлучёнными от родителей. Когда просто знаешь о существовании детских домов — это одно, а когда сам приходишь в этот дом, видишь эти глаза, этих бегущих тебе навстречу ребятешек, которые спрашивают «ты мой папа (или мама?)» — это совсем другое. Мы даже подумывали взять кого-то из малышей в свою семью, но Коля сказал, что не потянет бессонные ночи со мной и ещё с ребёнком. И тогда Коля стал ездить к детям, если находился транспорт. Особенно он готовился к каким-то праздникам: дню рождения, Новому году и т.д. Он делал всякие забавные штуки, затеи, игры, подготовка, которых иногда занимала целые ночи.

Например, покупал 2 кг сушек (а может, больше) и перевязывал их все леской друг с дружкой. Получалась «километровая» цепь, которую он укладывал в коробку собственного изготовления, в ней прорезал дырочку, как в копилке, и кто-то из детей во время торжества тянул за кончик лески, и все дети были в восторге, что баранки никак не

кончаются, все они этой цепочкой повязывались, и получался такой смешной хоровод – единство друг с дружкой. А летом он сам им делал «змея», которого вместе запускали на берегу речки – сколько было радостей и писка! Это я пишу не для хвалы, а как бы ещё об одном даре Николая – педагогическом, когда ему хотелось принести ребёнку радость. К сожалению, чуть позднее у нас исчезла возможность таких поездок из-за транспорта (детский дом в дальней деревне), да и он стал уставать физически: начинался его остеохондроз, который всё чаще давал о себе знать в нашей жизни двоих, и когда настала пора всяких невозможностей и пришлось в дом, в семью вводить других людей, которые могли бы носить меня, у Николая словно выпали из рук смысл и цель его жизни.

Я всё больше погружалась в работу с детскими домами, которых стало уже три, а Николай остался не у дел. Его работа стала домашней, у компьютера, он делал для нас письма в разные фирмы с красивыми рамочками, особенно – благодарственные письма, в которых он давал волю своей фантазии. Он сделал несколько маленьких фильмов о детских домах, которые впоследствии показывались на кинофестивалях, и один из них, «Отрада», получил первую премию. Фильмы эти мы всегда делали вместе. Он, конечно, и сам всё умеет, но я выступала в роли редактора в музыкальном оформлении, в композиции. И всё это я пишу не в качестве хвастовства, а только, как об очень важной части нашей жизни, где двое смотрят в одном направлении, а общее дело всегда объединяет людей, в том числе и семью.

Желаю удачи.

Л.Г.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев.
3 сентября*

Здравствуй, дорогая Оксана, лягушка-путешественница!

Разлеталась ты по всей земле, расходилась, рассказывалась так, что не угнаться за тобой ни мне, ни котам, ни собакам, ни добрым молодцам...

Дивлюсь твоей самодостаточности и умению радоваться в самой себе и наедине. Я подумала: а что если и я с подробностями расскажу тебе хотя бы один свой день по типу путешествия или по типу дня Чика из рассказа Ф. Искандера.

Итак, «Один день Людмилы Киселёвой».

День мой начинается с ночи, когда я и все мои «придворные» пытаемся лечь спать. Обычно это происходит около часу ночи. Устав за день от разных дел, о которых будет сказано ниже, мы все мечтаем отпасть из этого мира в мир тишины, покоя, иногда храпа. Да не тут-то было. По какому-то тайному мистическому ритму в два часа ночи возбуждается мой вагус, нерв такой, и начинает мучить меня кашель. А поскольку сама я откашляться не могу, кто-то из моих помощниц стоит надо мной и давит ладонью на живот с методичностью насоса, качающего колесо, чтобы откачался мой воздух и всё, что следует с ним. Кого только ни вспомнишь в этот момент: и маму родную, и Бога, и другую силу. И, наконец, часа через полтора-два когда измучаемся до предела, наступает тишина, и мы вроде как засыпаем. Только на час, как канадские волки, которые спят по полчаса, потом подскакивают, делают оборот на 360 градусов и опять засыпают. Это они себя так охраняют. Ну, а мы крутим мою голову на 180 градусов каждый час, поскольку очень болит шея — такой у меня остеохондроз. Поэтому я и сказала, что день начинается с ночи, потому что бодрствуем часов до 5 утра и только тогда засыпаем.

Если моя голова забита разными планами, которые надо осуществлять с утра, то в 8 часов звенит мой внутренний звонок, и я просыпаюсь — это значит, мне надо «бежать» в администрацию или ещё куда-нибудь.

Ну, про туалет рассказывать не буду, хотя это тоже не как у всех, а с большим напряжением сил. Умытая и причёсанная, тороплюсь позвонить скорей по московским фирмам, чтобы словить одного-двух директоров, которые хотя бы пообещали выделить детям что-то из некондиции. Телефонные переговоры затягиваются, если параллельно звонит второй телефон, или три мобильника сразу, или кто-то приходит из просителей, и тогда я забываю, что ещё не позавтракала. А позади уже полдня. Если в этот день никто не приезжает и не приходит, то есть счастливый часок, в который можно кому-то написать письмо. А если повезёт с погодой и хотя бы с парой крепких мужчин, то можно со всей свитой спуститься с третьего этажа на землю и отправиться в недалёкое путешествие на край города, на речку или в лесок, по дороге растрясая своё бедное тело и последние силы. Главное во всём этом путешествии благополучно переселиться с кровати на носилки, а потом спуститься с лестницы, не ободрав носилками

соседние двери, протиснуться по узкому проходу, который не рассчитан ни на больших, ни на покойников, ни на въезд и выезд новосёллов.

Однако лесной отдых бывает редко, а именно — два-три раза за лето, так что о нём можно было бы и не говорить, если бы этот отдых не вспоминался потом целый год: пение птиц, шум листвы над головой, журавлиный клин в небе...

Рабочий день — это почти сказка для меня: чувствую себя валиком и пружинкой одновременно из сказки Владимира Одоевского «Городок в табакерке», целый день толкаю молоточки — моих сиделок и сотрудниц, которые в свою очередь стучат по колокольчикам — московским фирмам, и такая какофония целый день. Как многие люди, мечтаю что-нибудь изменить в этой музыке, запеть другую песню, но обстоятельства так складываются, что если в них меняешь одну ноту, то музыка рассыпается совсем, а я-то знаю, что за этой какофонией есть неслышная мелодия моей жизни — в самоотдаче, в посвящении другим людям, в напряжении до изнеможения и даже в моих болезнях.

Однажды мне снился сон, в котором я услышала странные звуки, они были однообразны и чем-то напоминали то курлыканье журавлей, то воркование голубей, а в общем-то ни на что не похожи. Но там, во сне, я знала, что это поют ангелы. Может быть, и моя песня — как тот сон.

А посреди всего этого ещё одно испытание, которое называется стенокардия. И мучает она в день по несколько раз, как припев той песни.

Добравшись до семи-восьми вечера, включаемся в жизнь за пределами нашего дома — в телевизор. Складываются впечатление, исходя из 70 действующих каналов, что жизнь на всём земном шаре — довольно однообразная штука с небольшими нюансами в погоде, в природе, в социальных условиях. Даже скучно становится погружаться в чью-либо жизнь. Но книжки читать теперь не могу — глаза плохо видят (отслоение сетчатки начинается), да и держать книжку — тоже проблема, руки устают и на животе тяжело (я ведь лежу). Очень сожалею об этом. А чтобы мне читали книгу — не очень люблю. Для меня книга — повод для раздумий, я люблю перечитывать какие-то места из-за понравившейся мысли или чудесного сочетания слов, а когда читает кто-то другой — радость чтения в уединении исчезает. Кино же так редко удовлетворяет душу и сюжетом, и игрой артистов, и содержанием мысли, что если вдруг повезло — это праздник.

Вот и получается, что к вечеру делать нечего, кроме как продолжать опять же работать: например, писать письма или готовить к очередной выставке мои и

Колыны картины (у нас юбилей Боровска — 650 лет, и по этому поводу много всяких выставок, песен, плясок и всякой прочей суеты аж на целых 6 дней), а иногда отправлять факсы по автоматам на разные фирмы, поскольку днём Москва перегружена и связь работает плохо, или играть с нашими кошариками — они это очень любят...

Маня стала такая взрослая, всё время виляет хвостом перед носом у Макса и Мики, они нападают на неё, а что делать не знают — программа-то испорчена, и в этом виновата я, но по-другому нельзя (а я все равно очень сожалею, когда приходится животных адаптировать к городской домашней жизни и приспособливать их жизнь к своей).

Иногда мои домочадцы привлекают меня к отгадыванию кроссвордов, и я удивляюсь, что я ещё что-то помню, что-то знаю, и поражаюсь, что порой вдруг в моём «компьютере» обнаруживается слово, которого никогда не было в моём обиходе (это на уровне мистики).

А порой мы находим повод для личного или общественного праздника, и тогда все собираемся за столом, чтобы испытать радость бытия в виде вкусного ужина и бутылочки вина (или пива, или водочки). И когда время приближается к часу ночи, круг замыкается.

Конечно, в таком дне бывают разные встречи с далёкими друзьями или всякие неожиданности в виде неприятных событий личной жизни, но обо всём не расскажешь даже в кино.

Наверное, тебе не очень интересно читать о «путешествии» по бездорожью моей жизни, но пусть кто-нибудь знает о моей стране не с фасада, а со стороны задворков, которые обычно никому не показывают.

Сейчас на часах — 22, и я надеюсь ещё кому-то послать сегодня свои приветы.

А тебе привет от всех двуногих и четвероногих.

Л.Г.

*Татьяне Власовой,
г. Шатура
5 сентября*

Здравствуйте, Татьяна!

В моей жизни всё по-прежнему, всё те же радости, всё те же печали, всё те же болезни... Но это, конечно, всё внешне. Душа много чего переживает, но если Вы рассказываете об этом в стихах, то мне рассказать нечем (в смысле творчества) да и некому. В последнее время всё больше укрепляюсь в мнении, что чужая жизнь никому не интересна и не нужна, если она тесно не связана с чьей-то другой жизнью какой-то выгодой или нуждой. Прежде, кажется, было иначе: люди чувствовали и сочувствовали друг другу и искренне охали, ахали над бедой друг друга и радовались удачам друг друга. Вот я и пере-

стала рассказывать о своём внутреннем мире. Работаю себе, помогаю ребятишкам кормиться, одеваться, обуваться, радуюсь, когда богатые тёти и дяди что-то дают детям.

Когда была помоложе и читала Лермонтова, приходя в восторг от его мастерства владения словом, всё думала: «И чего это он всё поет, всё печалится о человечестве, такой молодой и такой разочарованный в жизни... Только и оставалось его застрелить...» А вот теперь пришло и ко мне разочарование во всём житейском. Но это не значит, что я в унынии, что перестала чувствовать радость бытия, только радости всё более мгновенные, не зависящие от меня. Одна из этих радостей – мои кошарики. В отличие от многих людей они любят ни за что-то и верность хранят просто так, и забавные очень, и гадость от них может быть только одна, если разобьют вазу, опрокинув её, или разлягутся на кухонном столе, где им запрещено бывать.

Может быть, моя радость – это моё нереализованное материнство.

Ну вот, пожалуй, и всё на сегодня. Новых Вам стихов и радости творчества.

Л.Г.

*Председателю Правительства РФ
В.В. Путину
г. Москва
27 сентября*

Уважаемый Владимир Владимирович!

Сообщаю, что письмо аналогичного содержания направлено Губернатору Калужской области А.Д. Артамонову.

Поскольку тема моего письма касается всех жителей России и решить этот вопрос можно только на федеральном уровне, то и посылаю это письмо Вам с надеждой, что Вы отнесетесь к нему не только как Председатель Правительства, но и как отец, как друг, как человек, имеющий возможность принять участие в судьбах обездоленных людей.

«Что я буду делать, когда умрёт мама?» Этот вопрос появился у меня, когда у мамы случился первый инфаркт, и я не нашла другого ответа, как только - умереть вместе с мамой.

Со слов подруги, жившей тогда в инвалидном доме, будучи совсем беспомощной, я знала, что таким, как я, в этом доме не выжить, что индивидуального ухода, который мне требуется, я там не получу, не говоря уж о том, чтобы вести социально активную жизнь, без которой я просто не мыслила своего существования: рисовать, писать статьи в газеты и журналы, вести переписку и встречаться с друзьями, организовывать свои и чужие выставки, создавать музеи, постоянно перезваниваться с редакциями, издательствами, различными руководителями, устраивать чьи-то судьбы и т.д.

В то время мне не спалось, и врачи выписывали снотворные таблетки, которые я стала тайком собирать, чтобы «заснуть» вместе с мамой.

Но когда случился у мамы второй инфаркт и она умерла у меня на глазах, мой план не состоялся: к тому времени отец уже был болен раком и оставить его одного, измученного болезнью и смертью жены, было бы чудовищно. Все заботы легли на меня, которая никогда не знала никаких забот. Мы не ведали, как будем жить дальше, отец только повторял одну фразу: я тебя никому не отдам. Пришла помочь моя тетя по отцовской линии, которая даже на кровати поворачивала меня с трудом, не говоря уже о том, чтобы пересадить меня на диван за рабочий столик. Жизнь, длившаяся с полутора лет в ограниченном пространстве, сузилась до предела точки опоры, где я лежала, неспособная пошевелить ни ногой, ни рукой, ни головой. Что было во мне здорового — это дух и разум.

После смерти отца ко мне на помощь пришла моя подруга, которая ещё в детстве катала меня на санках, сидела со мной, когда мама уходила по хозяйству, помогала по дому. Мы договорились, что она будет ухаживать за мной за жильё, которое останется ей после моей смерти. У подруги было двое детей, и естественно, что она ждала освобождения от меня. И хотя вокруг меня по-прежнему было много друзей, которые создавали атмосферу радостного общения со мной и друг с другом, читали стихи, сочиняли на них песни, рисовали, я жила с ощущением не жизни, а доживания в уже как бы чужом доме.

Позднее, когда меня спрашивали о проблемах инвалидов, я отвечала, как это не покажется странным кому-то из здоровых людей, что главное из всех проблем — это самому добраться до туалета, а если не можешь, чтобы было кому посадить на горшок.

В жизни беспомощного человека много такого, чего здоровым людям не понять. То, что для них ежедневно и как бы между прочим, для инвалида великий труд: умыться, почистить зубы, причесаться, перевернуться со спины набок и наоборот, поправить подушку под головой, принять сидячее положение, выпить таблетку, помыться в ванной хотя бы раз в неделю, одеться, переместиться на балкон, чтобы подышать свежим воздухом — всё это должен сделать за инвалида и для него другой человек. А уж если начались пролежни — то просто беда. А если от постоянного лежачего положения ухудшилось состояние лёгких, то чтобы не умереть от удушья из-за мокроты и откашляться, и для этого тоже нужен второй человек, а если его нет, то не дай Бог кому-нибудь так жить, медленно умирая.

В течение всей своей жизни мне пришлось встретиться не с одним инвалидом, находящимся в таком же положении, как я, и все они, ещё при жизни своих родителей, задавали мне один и тот же вопрос: что я буду делать, когда умрёт мама? Что я могла ответить, кроме того, что знаю сама.

У нас существует служба по социальному обслуживанию населения. Это значит, что два раза в неделю к инвалиду будет приходить социальный работник, который по службе обязан приносить ему лекарство из аптеки, питание из магазина, что-то сделать по дому, например, один раз в месяц провести уборку в квартире, принести воды, истопить печь, наколоть дров, приготовить покушать, постирать бельё, вынести помойное ведро, если инвалид живёт в квартире без удобств.

Но можно ли в лютую зиму за один раз истопить печь на три дня, приготовить еду на три дня, по этому же графику выносить помойное ведро?

Моя знакомая несколько лет работает в этой организации, ухаживает за старушками и инвалидами, живущими в частном секторе. Она говорит: «Я уже не могу смотреть на этих несчастных людей. Прихожу к парализованной женщине, а по ней бегают тараканы, у другой мыши пешком по полу ходят, а ещё у одной два дня никак убраться не могу – пролила помойное ведро со своими отходами, весь дом провонял, а на полу ноги скользят, всё присохло».

И весь ужас такой жизни и таких проблем мог бы отсутствовать, если бы у этих людей была индивидуальная сиделка, которая получала бы зарплату, соответствующую сегодняшней экономической ситуации. Уход за тяжёлым инвалидом – большой труд. Организм ухаживаемого человека сильно изнашивается. Это должны знать все! В службе социального обслуживания населения за каждого больного или старика платят триста рублей в месяц. Естественно, что каждый социальный работник стремится набрать себе зарплату количеством людей при отсутствии должного качества ухода.

В последнее время неработающий родитель, имеющий ребёнка-инвалида, получает за уход 1200 рублей (до 1 июля этого года получал 500 рублей). Те же 1200 рублей полагаются от государства инвалиду, не имеющему родителей, для оплаты помощнику, сиделке, медсестре. А знаете, сколько стоит поставить капельницу на дому один раз? 500 рублей. Простой укол в мышцу стоит 100 рублей, укол в вену – 200 рублей. Больница бесплатно не предоставляет такой помощи на дому, положить же в стационар беспомощного инвалида – тоже проблема, связанная с невозможностью ухода за ним. А какая сиделка пойдёт выносить горшки, обрабатывать раны от пролежней, вставать по ночам к лежащему человеку при его приступах, чтобы хотя бы дать таблетку и перевернуть инвалида с боку набок за 1200 рублей в месяц, на которые можно только два раза сходить в магазин, чтобы купить продуктов на два-три дня.

Моя жизнь сложилась счастливо. Несмотря на болезни, я могу это сказать смело и честно, потому что мне всё время везло на хороших людей. Сначала это были родители, посвятившие мне свои жизни, давшие образование, сохранившие моё здоровье (ведь маме ска-

зали, что я доживу только до 15 лет, а мне сейчас 66), замечательные преподаватели заочного университета искусств, где я училась на факультете рисунка и живописи, многочисленные друзья и незнакомые люди, которые устраивали выставки моих картин по всей стране, человек, пришедший взять меня на руки, чтобы назваться моим мужем после смерти родителей и ухода подруги, наконец, все те люди, которые стали моими финансовыми помощниками для найма сиделки, когда у моего мужа рухнул позвоночник. Я являюсь членом Союза художников, членом Союза журналистов России, директором «Дома адаптации детей-сирот и инвалидов», под опекой которого три детских дома, спецшкола, дети-инвалиды, проживающие в малоимущих семьях, лауреатом Международной премии «Профессия — жизнь», кавалером медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почетным гражданином города Боровска. И это свидетельство того, сколь полезным может стать инвалид для общества, если ему создать нормальные условия жизни.

Меня уважают не только в родном городе, обо мне снято несколько фильмов, прошедших по ТВ. И конечно, когда я обращаюсь с просьбами помочь, то ко мне особое отношение, не такое, как к неизвестному инвалиду, которого часто общество презирает, говоря в лицо матери, везущей ребёнка в инвалидной коляске по улице: «Тебе не стыдно показывать всем такого ребёнка? Сидели бы дома!»

Добиться справедливости в бытовой жизни, имея ребенка-инвалида, часто почти невозможно. Моя знакомая, имеющая большое чадо, в желании облегчить своё положение по уходу за ним, с разрешения всех инстанций построила на свои деньги пристройку с пандусом на нижнем этаже. Соседка с верхнего этажа подала на неё в суд, что крыша пристройки застит ей вид во двор и цвет крыши ей не нравится. Участвующий в деле эксперт, сделал заключение, что пристройка «неправильная», и суд «приговорил» пристройку сломать. Дело дошло до Верховного суда, но правды за инвалидом так и нет до сих пор. И такие случаи нередки. Где уж ему искать помощи среди состоятельных людей, когда умрёт его мама!

Я не поднимаю сегодня вопрос об отношении общества к инвалиду в нашей стране, я не говорю о моральном одиночестве ребенка-инвалида, я не рассказываю о том, как материально бедствуют такие дети в семьях, я не говорю о том, как трудно инвалиду получить образование в вузе, как невозможно потом трудоустроиться — это всё звенья одной цепи, которую кому-то надо повесить себе на шею, чтобы узнать, как горька эта судьба. Я только хочу напомнить о том, что никто не застрахован от этого, что у каждого в семье может родиться ребенок-инвалид, что нежданно-негаданно близкий человек может завтра попасть под машину и стать инвалидом, что каждый из нас каждый день живет под дамокловым мечом болезни, ведущей к инвалидности. Инвалид — это не кто-то где-то там, это — проблема каждого из нас.

К сожалению, в круговерти различных событий этой проблеме обществом уделяется мало внимания. Но, как известно, если нет вопроса к обществу и государственной власти, то и ответа никакого не будет.

У меня конкретное предложение. Я предлагаю создать Федеральный фонд поддержки инвалидам, которые не могут жить вне родного дома, и вывести эту болезную тему на уровень депутатского обсуждения. Для того, чтобы фонд пополнялся, создать его финансовую подпитку путем введения специального налога.

Это должно стать заботой всего здорового общества нашей страны. Пусть налог будет очень маленьким, но это будет стабильное пополнение фонда, надёжная структура. Пусть эти деньги пойдут на обеспечение достойной жизни и образования инвалидов с детства, проживающих дома. Есть немало людей, которые за достойную зарплату пойдут работать сиделками, станут добросовестно ухаживать за немощными.

Кроме фонда, который будет распоряжаться деньгами, должна действовать и другая структура, в которой будут работать люди, подготовленные к уходу за лежачими больными инвалидами. Одна организация будет платить, другая – обслуживать.

Как только беспомощный человек делает заявку, сразу присылается к нему человек по уходу за ним.

У этой организации по обслуживанию инвалидов должны быть «веточки» по всем регионам и районам России. Но ни в коем случае нельзя все заботы свалить на регионы и районы, иначе всё погибнет на корню. Тут нужен принципиально новый механизм работы с инвалидами. И это забота государства, которая не должна зависеть от доброго дяди-спонсора.

С надеждой на отзывчивость Вашего сердца.

*Людмила Киселева,
директор «Дома адаптации
детей-сирот и инвалидов».*

*Светлане Морщацкой,
Беларусь, г. Чисть
5 октября*

Здравствуй, Света!

У меня, как всегда, много забот и болезней, даже рассказывать неинтересно. Иногда терпение кончается и жизнь становится не мила. Хорошо, что это ненадолго. Каждое утро я просыпаюсь все-таки с хорошим настроением, с которым хочется жить и быть, что-то делать, что-то узнавать...

В стадии завершения работа по реконструкции храма вдруг затормозилась из-за отсутствия то кровельщиков, то штукатуров. Последний месяц тёплого лета и ещё тёплой осени у всех строителей – время подведения итогов летних работ, и всех работников бросили на неделю, лишив меня возможности закончить в этом году реставрацию. По этому поводу очень расстраиваюсь, наверное, больше всего потому, что привыкла быть лидером, сама всё организовывать, всех сводить в работе, а тут поделаться ничего не могу.

Сейчас занимаюсь, наконец, темой, которая уже много лет свербит моё сердце. И вот наконец дошли руки и до этой части моей работы. Чтобы было ясно, о чём разговор, шлю текст письма, которое я отправила Президенту В. В. Путину. Хотя я не очень надеюсь, что во властных структурах пройдёт эта тема и будет положительное решение. Но шевелиться надо, ибо это касается многих людей, оказавшихся в одиночестве в ситуации неподвижности, беспомощности, безденежья. Мы хотим назвать вновь создаваемый фонд «Ситуация SOS». Предлагаю тебе поучаствовать в расшифровке аббревиатуры СОС.

Некоторые предлагают в качестве расшифровки «Совсем один, совсем», а некоторые – «Спасите одинокое сердце». Может быть, тебе придёт в голову что-то другое. Важно, чтобы это было эмоционально и пронимало до самой глубины души. А главное, чтобы не стандартно – типа «Милосердие», «Надежда» или ещё что-то в этом роде.

Уже сейчас у меня несколько девушек 40-летнего возраста и старше, оставшихся без родителей, и без денег, и без здоровья, которым я пытаюсь помогать ежемесячной финансовой помощью из накопленных ранее денег с нашего счета. К сожалению, деньги быстро кончаются, и каждый раз их надо искать снова и снова, объясняя спонсорам драматическое положение одиноких инвалидов, оставшихся без родительского попечения.

Вот пока и всё. Надеюсь, твоя книжка скоро увидит свет.

Людмила Георгиевна.

*Сергею Дьячкову,
г. Тольятти
25 октября*

Здравствуй, Сергей!

Хочу послать тебе материалы, тема которых рвёт моё сердце. Вот уже несколько лет я мучаюсь вопросом, который стоял всегда не только у меня, но и у тех моих друзей, кто находится в таком же положении, как я: «Что я буду делать, когда умрёт мама?»

Пришло время, когда эти люди остались без родителей, без физической и материальной поддержки. Состояние их таково, что про-

живать в инвалидном доме они не могут — нужен постоянный индивидуальный уход. Чтобы они могли дальше существовать, нужна сиделка, а то и не одна, с постоянным проживанием. Это значит, должна быть какая-то организация или фонд, или ещё какое-то учреждение, которое могло бы финансировать найм сиделок. Вот об этом я писала письмо Путину В.В. с предложением взять на государственные учёт подобных инвалидов, чтобы поддерживать их жизнь.

Письмо, которое обращено к Путину, считаю почти безнадежным, как хроническая болезнь, которая не лечится, а время от времени поддерживается какими-нибудь мелкими мерами. Но человек такое существо, которое глубоко внутри себя всё-таки верит в чудо. Вот и я думаю: «А вдруг...» Канцелярия Правительства уже прислала мне ответ: моё письмо переслали в Минздравсоц-развития России, Минфин России с формулировкой: «Просьба внимательно рассмотреть и о результатах проинформировать автора обращения и Аппарат Правительства Российской Федерации». На этом пока и завершилось «чудо».

Вся беда в том, что если бы эта тема (и другие темы) двигались постоянно с нижнего этажа нашей жизни на верхние этажи, то, может быть, толку было бы больше.

Ну, а второй материал об инвалидах напечатан в местной газете, и на днях к нам приезжает корреспондент из «Новой газеты» Наталья Чернова, которая о нас писала неоднократно (можешь увидеть в Интернете всё про нас и «Дом адаптации детей-сирот и инвалидов»).

Кроме этих тем и дел, продолжается реконструкция храма Крестовоздвижения, где размещается наш склад под гуманитарку. Да вот снова подножка со стороны верхнего этажа: Закон РФ № 94 от 2005 года о том, что все договора на аренду помещений теперь будут заключаться только на конкурсной основе, т. е. кто больше даст денег, а у меня, конечно, их — 00.

Таким образом, отреставрированное здание, на котором уже возведена главка с крестом, сможет выкупить какой-нибудь богатенький дяденька, которых у нас много, и сделать в нём вино-водочный магазин, например. Я балдею от таких законов: бедные школы, конечно, не смогут конкурировать в данном случае, как впрочем, и другие бедные организации социального назначения. Так наша жизнь становится всё лучше и краше.

О здоровье писать, как всегда, не хочется: и так понятно, что оно лучше не становится.

Спасибо тебе за твою газету про инвалидов «Вместе», и дай Бог тебе сил ещё долго-долго держать её на том уровне, какого удалось достичь. В твоём лице я вижу такого заступника, какого в других не нахожу.

Всего самого доброго.

Людмила Киселёва.

*Тамаре Муруновой,
г. Похвистнево, Самарская область
1 ноября*

Здравствуй, Тамара!

Получила твоё письмо. Очень тебе сочувствую, ведь всё, что происходит с твоим организмом, происходит и со мной только в ещё более жестокой форме: сидеть уже не могу совсем, косточка копчика выпятилась и рвёт кожу, и эта боль не проходящая, ну и всякое такое. Так что уж кто-кто, а я-то тебя понимаю. Не понимаю я только твоих страхов перед какими-то новыми движениями для облегчения существования, ведь когда очень плохо, на что только ни пойдешь! А у тебя сомнение сидит на сомнении и сомнением погоняет, так невозможно что-либо сделать.

Если у тебя есть смысл жизни – выпустить книгу своих рассказов, то и надо руководствоваться этим смыслом, чтобы преодолевать все свои смущения и сомнения и как-то действовать. А иначе так и будет одно нытьё.

Ты так и не написала мне официальное заявление, которое я должна направить спонсору, чтобы был постоянный платёж на сиделку для тебя.

Людмила.

*Мариам Шакировой,
Башкортостан.
27 ноября*

Здравствуйте, Мариам Фатхиевна!

Получила Вашу посылочку – большое спасибо. Всегда приятно не только содержимое посылки, а то, с каким чувством, вниманием, любовью сочиняется эта посылка. Ещё раз спасибо.

В прошедшее воскресенье отметили 10-летний юбилей нашего «Дома адаптации». Кроме своих людей, пытались пригласить московских спонсоров, но приехали только трое, потому что у всех бизнесменов теперь не очень весёлое настроение из-за мирового кризиса: сотрудников сокращают, зарплату им не платят (нечем), на складах пусто. И нам тоже похужело из-за всех этих проблем.

Вот такие у нас серьёзные заботы на сегодняшний день, хотя и чувство радости тоже есть от того, что наконец покрыли купол нашего храма кровлей. И только мы закончили при солнечной тёплой погоде эту работу, как тут же и пошёл первый снег, и не просто пошёл, а повалил. Но спустя два часа весь поплыл лужами.

Три дня дует страшный ветер, от которого мне совсем нехорошо – воспалился колит, который давно не возбуждался, и дёргает как следует. Врачей не вызываю – без них знаю, чем лечиться, но пока антибиотиков избегаю, жду, что само пройдет. Вообще лечиться не люблю, люблю работать.

К Новому году, как всегда, будет напряжёнка: детей надо возить в Москву на новогодние елки, в театр, в цирк и прочие увеселения. Опять же надеюсь, будет много гостинцев, которые надо распределять, сидя на складе часами. А потом старенькие Снегурочки и молоденький Дед Мороз поедут раздавать подарки детям-инвалидам, как в прошлом году.

А сейчас наступает с 1 декабря декада инвалидов, и мы ищем для них, живущих в малоимущих семьях, игрушки и гостинцы, которые тоже будем раздавать. В общем, без дела не сидим. Мне кажется, иначе я уже и не умею жить, всё остальное мне скучно, потому что нет пользы для других, а только «развлекуха» для себя.

На этом заканчиваю своё послание, так как уже поздно. У нас у всех хроническое недосыпание, а другого времени для письма нет, так как целый день кто-нибудь «дёргает».

Почти никому не пишу писем, кроме деловых. А в ближайшие дни надо сочинять штук 50-60 новогодних и рождественских поздравлений всем-всем благодетелям.

Желаю всего самого доброго.

Л.Г.

*Станиславу Рыжову,
г. Магадан
28 ноября*

Слава, привет!

Всё никак не долечу к тебе своим письмом, а ведь бывало как писала – целые простыни! К сожалению, никому сейчас писать не могу ни по настроению, ни по времени, ни по здоровью.

Какие-то печальные дела пошли. Из-за закона за № 94 можем потерять наше помещение, которое используем под гуманитарку и заодно реставрируем. Переживаю не столько из-за потраченных денег, сколько из-за того, что не смогу довести до конца восстановительную работу по храму.

Опять же, если не будет у нас помещения под склад, то всё наше дело закрывается: мы остаёмся без работы, дети без продуктов, одежды, обуви, санаторных путёвок и т.д. Это выбивает почву из-под ног и из-под рук.

Вот такие у нас серьёзные заботы на сегодняшний день.

Мои сиделки-хожалки собираются путешествовать. Рита – в Молдавию. Как только вернётся она, уезжает Таня. А ещё раньше, в декабре, повар Люба тоже ненадолго уезжает домой на Украину. Раскатались девки-то мои, одна я всё лежу да лежу, в потолок всё гляжу. Это я не сетую, это припевка такая к моей песенке.

Дома у нас всё по-прежнему, и это меня печалит. Коля всё более погружается в алкоголь, и всё теснее его общение с продавщицей Леной. Был момент, когда я хотела «принять меры» – выселить Колю из дому, официально разведясь с ним, о чём намекала тебе в телефонном разговоре, как о предстоящих событиях, и хотела спросить разрешения поселить в твою квартиру Мишу с Нелей и детьми, а Колю на нижний этаж. Но потом мои эмоции, связанные с нетерпением, «рассосались», и я решила терпеть всё, как есть, до конца, ведь я не знаю планов Бога и зачем Он всё это попускает.

Может быть, что-то во всём этом выстрадается, и «качество» нашего христианского сознания будет лучше, правдивее, искреннее.

На этом заканчиваю своё послание, так как на часах полвторого ночи и пора нам всем уснуть, если удастся.

Почти никому не пишу писем, кроме деловых. А в ближайшие дни надо отправить штук 50-60 новогодних и рождественских поздравлений всем-всем. Представляю, как Рита скажет мне: «Я фигею!» Ведь это она печатает их на компьютере.

А пока – пока.

Людмила.

*Ольге Самолевской,
г. Киев
10 декабря*

Милая моя Оля!

Так редко удаётся разговаривать, почти так же редко, как и встречаться – суета всех разделила, «нас расставила, рассадила».

Как-то вам живётся там? С оранжевыми, синими, зелёными, красными?

Вообще-то биологически жить хорошо. Люблю солнце, снег, лес, шум деревьев, ветер, обнимающий тело, детскую улыбку, кошек, собак и лошадей. Сочувствую жизни взрослого человечества, но в последнее время согрешаю тем, что всё больше разочаровываюсь в нём

и всё больше дивлюсь терпению Бога и Его любви к этому тяжёлому существу — человеку.

Моя личная жизнь среди прочего человечества всё та же грешная и всё более мученическая (если бы это мученичество было ради Христа, а то ведь невольное): лежу десять лет и теперь мучаюсь ежедневным кашлем по ночам, болью копчика, который «протирает» мою кожу, как гвоздём, ежечасно просыпаюсь от боли в шейных позвонках, одним словом, мучаю всех, кто рядом со мной днём и ночью.

Но, слава Богу, мне не надо искать работу, зарабатывать деньги, покупать шубу и сапоги. Накрываюсь простыночкой и платочком (друзьям легко дарить мне подарки — головной платок на грудь, маечку да трусики — вот и вся моя одежда), платья тоже не нужны — их надевать трудно, они собираются под спиной в складки, а это лишняя боль для позвоночника.

Я сейчас озабочена своей давней идеей, создать Фонд «SOS» («Совсем один, совсем») для таких тяжёлых инвалидов, как я, беспособных после смерти родителей жить в инвалидных домах, которым нужна сиделка, хороший уход и хорошие пенсии, чтобы жить. Посылаю тебе письмо для частных лиц, могущих помочь нашему Фонду (просто для знакомства, чем я занята). Этот же текст я послала В.В. Путину с предложением создать федеральный фонд, и началась у меня переписка с Минздравом, куда из Кремля переслали моё письмо и, думаю, это надолго. Надежд почти никаких, но поднимать тему надо, а пока создаю свой общественный фонд в надежде на частных лиц и их вложения.

Вот такие у нас серьёзные заботы на сегодняшний день, хотя и чувство радости тоже есть от того, что наконец покрыли купол кровлей.

Сегодня снился сон, что снег лежит сугробами до самого моего окна. Я высунула руку и положила на сугроб, и гладила, гладила это холодное, белое «тело». К чему бы это? Наверно, к снегу. И ещё что-то очень доброе было рядом в этом сне, но не помню что.

К Новому году, как всегда, напряжёнка: детей надо возить в Москву на новогодние елки, в театр, в цирк и проч. Опять же надеюсь, будет много гостинцев, которые надо распределять.

Всем благодетелям написали 70 с лишним красивых писем-поздравлений, оформленных Колиными картинками, — всегда хочется порадовать людей чем-то необычным, чтобы они чувствовали, что их уважают, если шлют такие письма.

А вообще писем почти никому не пишу: то нет времени, то нет настроения, то нет здоровья.

Коля в этом году, наконец, съездил в санаторий в Евпаторию вместе с детьми-инвалидами. Думала, ему полечат позвоночник, а ему грязи не разрешили, массаж только шейный и легкий. Правда, плавать в море — сколько угодно. И это был первый отпуск за наши совместные 20 с лишним лет жизни.

Вот, пожалуй, и всё, чем живу теперь. Обо всём, конечно, не расскажешь в письме, захочешь узнать – приезжай на мой день рождения, если помнишь, когда он у меня.

Буду рада хотя бы получить от тебя письмо.

Привет от Коли.

Пусть новый год принесет тебе возможность работы над фильмом.

Люся.

Приют «Забота»

Благодарственное письмо

Генеральному директору
Лукиянову Г.А.

Уважаемый Геннадий Анатольевич!

Поздравляем Вас и всех сотрудников с наступающим Новым годом и Рождеством Христовым!

Пусть обретенные Вами ценности жизни, такие редкие в наше жесткое время – сострадание, сочувствие, желание соучаствовать в детской трудной судьбе своим добром, любовью, - никогда, не исчезают в Вашем сердце, не смотря ни на какие обстоятельства, которые путают наши ориентиры ценностей, ведущие к Небу.

Благодарим Вас за соучастие в доброделании для страждущих.

Дай Бог удачи в делах, здоровья духовного, душевного и телесного Вам и всем-всем-всем, кто рядом с Вами.

С уважением _____ Киселева Л.Г.,
директор «ДОМ - дети-сироты и инвалиды»

